

ЛИНВУД

БАРКЛИ

**ДВАДЦАТЬ
ТРИ**

**ОТ АВТОРА
МЕЖДУНАРОДНОГО
БЕСТСЕЛЛЕРА
«ИСЧЕЗНУТЬ
НЕ ПРОСТИВШИСЬ»**

Линвуд Баркли
Двадцать три
Серия «Криминальные
романы Линвуда Баркли»
Серия «Промис-Фоллс», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34115122
Линвуд Баркли. Двадцать три: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-102181-8

Аннотация

Сначала всё это казалось просто злым хулиганством – тушки белок, развешанные на изгородях, измазанные красной краской манекены в кабинке колеса обозрения, угон и поджог автобуса... А потом – вместо краски и крови животных в городке Промис-Фоллс начала проливаться уже кровь человеческая.

Взрыв в кинотеатре под открытым небом...

Тело студентки местного колледжа со следами насильственной смерти...

И наконец – сотни горожан, пострадавших от непонятного отравления.

Чего хочет таинственный преступник? Кто он? Как его поймать?

Полицейский Барри Дакворт и частный детектив Кэл Уивер начинают совместную охоту на убийцу. Но пока единственная связь между его преступлениями и единственная их зацепка – загадочная цифра «23», которой маньяк скрупулезно помечает каждое свое действие...

Содержание

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

7

Конец ознакомительного фрагмента.

157

Линвуд Баркли

Двадцать три

Linwood Barclay

THE TWENTY-THREE

Печатается с разрешения NJSB Entertainment, Inc. и литературных агентств The Helen Heller Agency и The Marsh Agency Ltd.

© Linwood Barclay

© Перевод. Н. В. Рейн, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Линвуд Баркли – мастер остросюжетного романа. Этот писатель добился невозможного – совершив настоящий прорыв, потеснил таких звезд, как Майкл Коннелли, Джеффри Дивер и Патрисия Корнуэлл. Все книги Линвуда Баркли были высоко оценены и критиками, и читателями и переведены на 40 языков, а тираж его романа «Исчезнуть не простив-

шись» составил 1 500 000 экземпляров!

Потрясающе! Замечательная работа истинного мастера напряженных сюжетов!

Стивен Кинг

Линвуду Баркли нет равных в умении увлечь и испугать читателя.

Тесс Герритсен

Посвящается Ните

ОДИН

Знаю, что не получится покарать их всех. Но надеюсь покарать как можно больше.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ДВА

Патриция Хендерсон, сорока одного года, разведена, работала библиотекарем компьютерного отдела в системе публичных библиотек Промис-Фоллз на Уэстон-стрит, была среди первых, кто умер в ту субботу утром в мае перед долгим уик-эндом.

В тот день она должна была выйти на работу. Патрицию возмущал тот факт, что дирекция сочла необходимым не закрывать все городские библиотеки. Ведь в воскресенье у них законный выходной, а в понедельник – День поминовения¹. Так если библиотеки не работают в воскресенье и в понедельник, почему бы не устроить всем сотрудникам выходной и в субботу и продлить уик-энд?

Так нет же!

Впрочем, Патриции и пойти-то было особенно некуда.

И все равно ей казалось это совершенно диким. Ведь она знала: во время долгого уик-энда в библиотеке посетителей мало. Может, в этом городе в самом разгаре финансовый

¹ День поминовения – национальный праздник, день памяти всех американских военнослужащих, отмечается ежегодно в последний понедельник мая. – *Здесь и далее примеч. пер.*

кризис? Так к чему держать библиотеку открытой? Да, по пятницам здесь бывает настоящий наплыв посетителей, особенно из тех, у кого есть коттеджи за городом или другие места для отдыха, – вот и набирают книжек, чтоб было чем заняться до вторника. А вся остальная неделя проходит относительно спокойно.

Патриция должна была появиться в библиотеке к девяти, то есть к открытию. Но на самом деле это означало, что приходила она без пятнадцати десять утра, чтобы успеть загрузить все компьютеры, которые в целях экономии электричества выключали каждый вечер – и это несмотря на то, что все «спящие» тридцать компьютеров отдела потребляли за ночь мизерное количество электроэнергии. Однако в этом вопросе дирекция библиотек придерживалась линии «зеленых», а это подразумевало не только экономию электричества, но и установку в библиотеке устройств для переработки отходов, а также призывы к гражданам, приколотые к доскам объявлений, не употреблять бутилированную воду. Дело в том, что одному из членов библиотечного совета довелось побывать на фабрике, где производили эту самую бутилированную воду, а также цех, где изготавливали пластиковые бутылки, и она назвала это одним из величайших зол современного мира и не желала видеть эту продукцию ни в одном из заведений Промис-Фоллз. «Следует обеспечить всех бумажными стаканчиками, которые наполнялись бы водой из фонтанчиков, из натуральных источников прямо на местах, – такое

заклучение выдала она. – А это, в свою очередь, означает, что в устройство по переработке отходов будут поступать бумажные стаканчики, а не пластиковые бутылки».

А теперь догадайтесь, кто бесновался, узнав эту новость. Как там его имя, но этот тип по фамилии Финли некогда был мэром города, а теперь владел компанией по производству бутилированной воды. В первый и, как надеялась Патриция, *последний* раз она увидела его в кинотеатре под открытым небом под названием «Созвездие». В тот вечер она решила взять с собой племянницу Кайли и ее маленькую подружку Алисию. Мать Кайли – она же сестра Патриции Вэл – одолжила ей свой минивэн, поскольку «Хёндай» пребывал в непотребном виде для столь торжественного мероприятия. Боже, какую же роковую ошибку она совершила! И дело не только в том, что огромный экран вдруг обвалился, до смерти напугав девчушек, но затем на сцене появился Финли, полагая, что его появление как-то утешит собравшихся.

Политики, подумала тогда Патриция. Как же она ненавидела политиков и все, что с ними связано.

И вот, размышляя о политиках, Патриция проснулась в четыре утра и обнаружила, что смотрит в потолок и с тревожными предвкушениями ожидает собрания по «фильтрации Интернета», которое должно было состояться на следующей неделе. Дебаты на эту тему шли уже несколько лет и, похоже, прекращаться не собирались. Следует ли библиотеке снабдить фильтрами компьютеры, используемые патрона-

ми, и ограничить тем самым доступ к определенным веб-сайтам? Это ограничило бы доступ молодежи к порнографии, но постепенно дискуссия превращалась в какое-то бесконечное топтание на месте. Фильтры зачастую оказывались неэффективными, блокирующий материал не был ориентирован на взрослую аудиторию в отличие от разрешенного. Да и потом, как быть со свободой слова и свободным доступом ко всем источникам информации?

Патриция понимала: и эта встреча закончится тем же, что и всегда. Превратится в ожесточенный спор между ультраконсерваторами, узревшими непристойный подтекст в «Телепузиках» и не желавшими видеть ничего подобного в компьютерах библиотек, и ультралиберальным крылом. Последние были убеждены, что «Случай портного»² следует читать еще с раннего детского возраста.

Где-то без десяти пять она поняла, что уснуть уже не удастся, откинула одеяло и решила двинуться навстречу новому дню.

Прошла в ванную, включила свет и принялась рассматривать свое отражение в зеркале.

– Гадость, – пробормотала она и принялась растирать щеки кончиками пальцев. – П.У.

То была мантра от Шарлин, ее личного тренера. Постоянное Увлажнение. А это означало, что она должна выпивать

² «Случай портного» (1963) – знаменитый эротический роман американского писателя Филиппа Рота.

минимум семь полных стаканов воды за день.

Патриция потянулась за стаканом, стоявшим у раковины, повернула кран, пустила холодную воду, наполнила стакан и выпила содержимое залпом. Потом подошла к душевой кабинке, включила краны, подсунула руку под струю, убедиться, что вода стала достаточно теплой, стянула через голову длинную белую майку, в которой спала, и шагнула под душ.

И стояла под ним до тех пор, пока напор горячей воды не начал ослабевать. Намылила волосы шампунем, тело мылом и снова долго стояла под струями воды, чувствуя, как она стекает по лицу.

Теперь обтереться полотенцем и высушиться.

Одеться.

Почувствовала – и то было неприятное ощущение, – что вся кожа зудит.

Причесалась, нарисовалась.

Ко времени, когда она вошла в кухню, было половина седьмого. До выхода на работу еще целая уйма времени, ведь жила она в десяти минутах езды на общественном транспорте. А если решит поехать на велосипеде – минут двадцать пять или около того.

Патриция полезла в буфет, достала небольшой металлический поднос с доброй дюжиной пузырьков с разными пилюлями и витаминами. Открыла крышечки на четырех из них, вытряхнула на ладонь таблетку кальция, аспирина в низкой дозировке, витамина D и мультивитамина, который тоже со-

держал витамин D, но, как ей казалось, в незначительном количестве.

Разом забросила все это в рот и запила небольшим количеством воды из кухонного крана. Потом как-то неловко развернулась верхней частью тела, словно на ней был свитер из колючей шерсти.

Патриция открыла холодильник, заглянула в него. Может, съесть яйцо? В мешочек? Или поджарить? Слишком много возни. Она закрыла дверцу холодильника, вернулась к буфету и достала коробку с хлопьями «Особые К».

– Вау, – вдруг протянула она.

На нее словно волна нахлынула. Головокружение. Словно она стояла на гребне холма на ветру и ее буквально сдувало с ног.

Она ухватилась за край разделочного столика, чтобы не упасть. *Сейчас пройдет*, сказала она себе. *Ничего страшного. Просто встала сегодня слишком рано.*

А потом вроде бы все прошло. Она достала небольшую мисочку и начала сыпать в нее хлопья.

И заморгала.

Снова моргнула.

Она вполне отчетливо различала букву «К» на коробке с хлопьями. А вот слово «Особые» как-то расплывалось и стиралось по краям. Что довольно странно, ведь шрифт был довольно крупный и разборчивый. Не газетный шрифт. Каждая буква в слове «Особые» – добрый дюйм в высоту.

Патриция сощурилась.

– Особые, – пробормотала она.

Потом закрыла глаза и потрясла головой, полагая, что это поможет. Но стоило открыть глаза, как тотчас снова ощутила головокружение.

Надо бы присесть.

Она оставила коробку с хлопьями на буфете, подошла к столу, выдвинула стул. Что это, комната вращается? Ну так, слегка.

Этих приступов с эффектом противного головокружения не было у нее уже довольно давно. Случались они несколько раз, когда она напивалась вместе со своим бывшим, Стэнли. Но даже тогда ей ни разу не доводилось допить до такого состояния, чтоб вся комната вдруг начинала вращаться перед глазами. Чтоб вспомнить это, ей пришлось возвратиться в студенческие свои времена, когда она обучалась в Университете Теккерея.

Но теперь Патриция не пила. Да и вообще теперешние ее ощущения были не слишком похожи на те, которые она испытывала тогда.

Начать с того, что биение сердца участилось.

Она положила руку на грудь, на холмик, в том месте, где набухла левая, – решила проверить, верны ли ее ощущения.

Ту-тук. Ту-тук. Ту-ту-тук.

Ничего не учащенное у нее сердцебиение. Просто бьется с какими-то интервалами.

Патриция переместила руку с груди на лоб. Кожа холодная и липкая.

Может, у нее сердечный приступ? Но ведь она не так уж и стара, чтоб случилось нечто подобное, разве нет? И вообще в хорошей физической форме. Занималась в спортзале. Часто гоняла на работу на велосипеде. Да у нее даже персональный тренер имеется, если уж на то пошло.

Таблетки.

Патриция решила, что, должно быть, приняла не те таблетки. Но, с другой стороны, разве было нечто в этом наборе, что могло бы вызвать такую реакцию?

Нет.

Она встала, осторожно коснулась ступнями пола, словно в Промис-Фоллз происходило землетрясение, как это часто случалось в северной части штата Нью-Йорк. Нет, что-то не похоже.

Может, подумала она, все же стоит съездить в городскую больницу Промис-Фоллз?..

Джил Пикенс стоял у стола в центре кухни, читал в ноутбук «Нью-Йорк таймс» и пил вот уже третью чашку кофе. И не слишком удивился, когда вошла Марла, его дочь, с десятилетним внуком Мэтью на руках.

– Не перестает капризничать, – сказала Марла. – Вот и решила встать и накормить его чем-нибудь. О, слава тебе господи ты уже сварил кофе.

Джил поморщился:

– Только что добил первый кофейник. Сейчас сварю еще.

– Да ладно тебе. Я и сама...

– Нет уж, позволь мне. Лучше займись Мэтью.

– А ты, смотрю, сегодня рано поднялся, – сказала Марла отцу, усаживая Мэтью на высокий стульчик.

– Не спалось, – пояснил он.

– Опять?

Джил Пикенс пожал плечами.

– Господи, Марла, прошло чуть больше двух недель. И кстати, все это время я очень плохо спал. Хочешь сказать, что ты как следует высыпалась?

– Иногда удавалось, – ответила Марла. – Мне давали какие-то таблетки.

Верно. Она принимала успокоительные, помогающие ослабить стресс, вызванный смертью матери, та скончалась в этом месяце. А потом узнав, что ребенок, которого, как ей казалось, она потеряла при родах, на самом деле жив.

Мэтью.

Но даже несмотря на то, что все эти пилюли и предписания врачей помогали ей спать лучше, чем отцу, по крайней мере время от времени, ей казалось, что над их домом нависла какая-то тяжелая темная туча, и рассеиваться она не спешит. Джил на работу так и не вышел, отчасти потому, что ему просто не хотелось, но еще и потому, что местные социальные службы по надзору и опеке разрешили Марле забо-

титься о Мэтью до тех пор, пока та живет под одной крышей с отцом.

И Джил чувствовал необходимость своего присутствия в доме, хотя порой задавался вопросом: сколько же это еще продлится? Все говорило в пользу того, что Марла – прекрасная любящая мать. И еще хорошие новости – она начала адекватно воспринимать реальность. В первые дни, последовавшие за роковым прыжком Агнесс в водопад, Марла почему-то считала, что мать ее жива и скоро вернется, чтоб помочь ей с младенцем.

Теперь Марла понимала, что этого никогда не случится.

Она наполнила кофейник горячей водой из-под крана, поставила его на разделочный столик, а не на плиту. Затем достала из холодильника бутылочку со смесью, которую приготовила еще накануне, и сунула ее в кофейник.

Мэтью весь извертелся на своем стульчике, хотел видеть, что происходит. Вот взгляд его остановился на бутылочке, и он указал на нее крошечным пальцем.

– Га, – сказал он.

– Уже почти готово, – откликнулась Марла. – Я просто ее подогреваю. Ну а пока что есть у нас кое-что другое.

Она развернула кухонный стул и уселась прямо напротив Мэтью. Потом отвинтила крышку на маленькой баночке с абрикосовым пюре, подцепила немного крохотной пластиковой ложечкой и поднесла ко рту ребенка.

– Ты ведь это любишь, верно? – спросила она и покоси-

лась на отца – тот не сводил глаз с экрана ноутбука. И как-то напряженно шурился.

– Тебе нужны очки, да, пап?

Он поднял глаза. Она увидела, как Джил вдруг сильно побледнел.

– Что?

– Просто подумала, ты плохо разбираешь все эти тексты на экране.

– Зачем ты это делаешь? – спросил ее он.

Мэтью ударил рукой по ложечке, забрызгал стульчик пюре.

– Что я делаю? – уточнила Марла.

– Двигаешься... вот так.

– Я просто сажу, – ответила она и подцепила ложечкой новую порцию пюре. – Хочешь подать мне бутылочку?

Кофейник с бутылочкой стоял справа от ноутбука, но Джилу никак не удавалось сфокусировать на нем взгляд.

– Странно как-то все здесь, верно? – заметил он и поставил кружку из-под кофе на самый краешек стола. Она тут же свалилась. Упала на пол и разлетелась на мелкие кусочки, но Джил даже не взглянул на нее.

– Пап?.. – Марла поднялась и быстро подошла к отцу. – С тобой все нормально?

– Надо отвезти Мэтью в больницу, – произнес он.

– Мэтью? Но зачем же Мютью отвозить в больницу?

Джил всмотрелся в лицо дочери.

– С Мэтью что-то не так, да? Думаешь, у него то же самое, что и у меня?

Он приложил ладонь к груди, сквозь ткань халата почувствовал биение сердца.

– Кажется, меня сейчас вырвет, – пробормотал он.

Но его не вырвало. Вместо этого он свалился на пол.

Хилари и Джош Лайдекер не находили себе места вот уже четыре дня.

В последний раз они видели своего сына, двадцатидвухлетнего Джорджа Лайдекера во вторник. А сегодня утро субботы, и они понятия не имеют, где он пропадает.

В среду рано утром семья должна была вылететь в Ванкувер, навестить родственников Джоша. Уходя из дома во вторник вечером, он обещал не задерживаться, вернуться пораньше, чтоб поспать хотя бы несколько часов перед тем, как за ними заедет такси.

Родителей не удивил тот факт, что сын пораньше не вернулся. Однако удивились, что тем вечером он вообще не вернулся домой. Как это похоже на Джорджа – появиться в доме, когда вся семья укладывает сумки в багажник такси. Подойти, глупо улыбаясь, и сказать нечто вроде: «Ну, видите, я же сказал, что приду».

Но этого не случилось.

Джордж всегда был непослушным ребенком, в отличие от их шестнадцатилетней дочурки Кассандры, та пока что бы-

ла сущим ангелом. Он вечно вляпывался в какие-то неприятные истории, последнее время чаще всего в колледже Теккерея. Там, среди прочих выходов, за ним числились две – он перевернул машину профессора Смарта на крышу (никаких особых повреждений, но сам факт!), а также запустил маленького аллигатора в пруд на территории колледжа. Он слишком много пил, даже по стандартам своих соучеников, парней из колледжа, часто действовал импульсивно, не задумываясь о последствиях. Сам нарывался на риск. А когда был еще подростком, его дважды застукивали бродящим по холлам высшего учебного заведения среди ночи, где все входы и выходы полагалось держать запертыми.

– Что он натворил? – то и дело спрашивала Хилари мужа. – Что опять натворил этот чертов придурок?

Джош Лайдекер лишь удрученно качал головой. И на протяжении первых двух дней твердил:

– Он вернется. Непременно вернется. Просто отсыпается где-то, раздолбай. Вот и все.

Но на третий день даже Джош поверил, что с сыном произошло что-то серьезное.

Наутро первого дня Хилари обзвонила всех дружков Джорджа, в том числе переговорила и с Дерексом Каттером, спрашивала, не видел ли кто ее сына. Потом заставила сестру Джорджа Кассандру распространить эту новость по всему городу, чтобы все знали, что семья разыскивает Джорджа.

Никакого результата.

К середине дня Хилари решила обратиться в полицию Промис-Фоллз. Поначалу Джош был против этой идеи, все еще верил, что Джордж вот-вот появится. К тому же он не был уверен, что предположительные причины, по которым Джордж мог не вернуться домой, понравятся полиции. Он не поделился этими соображениями с женой, опасался, что, возможно, Джордж со своими дружками празднуют окончание учебного года, пользуясь услугами проституток. А может, они закатились в Олбани и вытворяют там черт знает что.

Но Хилари все же вызвала полицию.

Они записали всю имеющуюся на данный момент информацию. Но история исчезновения молодого человека, любящего развлекаться, да к тому же замешанного в разных сомнительных историях, не представляла приоритетного интереса для местной полиции. К тому же и без него им было чем заняться. На днях в прачечной самообслуживания состоялась бешеная перестрелка, мало того – меньше недели тому назад какой-то псих врезался в автомобили на стоянке перед кинотеатром под открытым небом на окраинах Промис-Фоллз и погубил четырех человек.

И кто это сделал – вопрос до сих пор оставался открытым.

Последние четыре дня семья Лайдекер не сидела сложа руки. Каждый день они выходили на улицу, объезжали город, навевались в колледж, обходили местные бары, вновь и вновь расспрашивали друзей Джорджа. Они считали, что

надо что-то делать.

Еще раз побывали в полиции – теперь там уже относились к этой истории с большей серьезностью. В четверг к ним домой прислали детектива по имени Ангус Карлсон. Он сидел с родителями и Кассандрой в гостиной, что-то записывал в блокнот. Чуть позже даже отвел Кассандру в сторонку и стал спрашивать: может, ей известно о брате нечто такое, о чем она не хочет говорить в присутствии родителей. Ну что-то такое, что поможет найти Джорджа.

– Ну, – протянула она, – ему нравится вламываться в гаражи разных людей и искать там всякую всячину.

– А родители об этом знают?

Кассандра отрицательно покачала головой. И заметила, что, наверное, должна была рассказать им.

Карлсон и это записал в блокнот.

И вот настала суббота. Хилари и Джош с утра сидели на кухне. Кассандра была наверху, еще не вставала с постели. Хилари проснулась в пять, поставила чайник на плиту, а затем принялась составлять список мероприятий на сегодня, входящих в план поисков Джорджа.

Список сводился к следующему:

- позвонить детективу Карлсону, узнать, нет ли новостей;
- еще раз обзвонить друзей. Д. Каттер;
- проверить места, которые мог обследовать Джордж, в том числе заброшенные фабрики, парк «Пяти гор», стоянку перед кинотеатром, где произошла катастрофа;

– сделать объявления с фотографией Джорджа, размножить их на принтере, расклеить по всему городу.

Когда в комнату вошел Джош, Хилари снова поставила чайник на плиту. И показала мужу список.

– Ладно, – устало произнес он. – Я тоже подумывал о парке «Пяти гор». Возможно, он туда заглянул, но ведь сейчас его закрыли. И он там заперт и не может выбраться. Могу позвонить в управление или попросить сделать это детектива.

– Джордж бы сумел выбраться, даже если все заперто. Сам знаешь, какой он ловкач. Вечно везде сует свой нос.

Джош колебался.

– Да, кстати. Вчера вечером Касси мне кое-что рассказала.

– Что именно?

– Ну, что-то насчет того... Короче, Джордж забирается в разные места. Нет, не в школу или нечто подобное, просто чтоб покуражиться. Он ищет незапертые гаражи, заходит туда, забирает разные вещи.

– Быть того не может! – возмутилась Хилари. Лицо покраснелось, на лбу выступили капельки пота.

– Просто повторяю тебе ее слова. И думаю... Нет, сперва я не хотел посвящать в это полицию, на тот случай, если Джордж действительно сотворил какую-то глупость, но теперь думаю иначе. Мы должны узнать, не жаловался ли кто из местных на вторжения. В гаражи, я имею в виду. Может, удастся нащупать какую ниточку, и она поможет выяснить... Да что это с тобой, а, Хилари? Ты в порядке?

– Ты это серьезно? – спросила Хилари. – Я на этой неделе спала всего часа три. А теперь ты говоришь, что наш сын вор, и еще спрашиваешь, в порядке ли я?!

– Спросил просто потому, что выглядишь ты скверно.

– У меня бессонница. Я с ума схожу от тревоги за нашего ребенка, и еще мне кажется, у меня вот-вот случится сердечный приступ, и...

Тут завибрировал мобильник Хилари, лежащий на столике рядом с чашкой чая. Поступило сообщение.

– О господи! Может, это Джордж! – воскликнула она, рванулась к телефону, нажала на кнопку. – Нет, это от Касси.

– От Касси? – удивился Джош. – Но ведь она наверху, вроде бы спит. Он пожал плечами. – Я прав?

Хилари с искаженным лицом протягивала телефон мужу. На экранчике высветилась надпись:

Кажется, я умираю

...

Али Брансон сказал:

– Потерпи еще немного, Одри. Не сдавайся. Все будет отлично. Просто тебе придется потерпеть еще немного.

За все время своей работы парамедиком Али говорил эти слова бесчисленное множество раз, причем довольно часто не верил в них ни на секунду. Похоже, та же история и на

этот раз.

Одри Макмишель, возраст пятьдесят три года, вес 173 фунта, чернокожая, работала страховым агентом, последние двадцать два года проживает по адресу: 21 Форсайт-авеню вместе с мужем Клиффордом. И в данный момент явно высказывает намерение прекратить борьбу.

Али позвонил Тамми Фэарвезер, которая сидела за рулем «скорой» и гнала машину по направлению к городской больнице Промис-Фоллз. Хорошая новость – сегодня суббота, раннее утро, и движения на дорогах практически никакого. Плохая новость – возможно, это уже не имеет никакого значения. Потому как давление у Одри падало со скоростью лифта, у которого оборвались тросы. Едва-едва дотягивало до шестидесяти на сорок.

Когда Али и Тамми прибыли к дому Макмишелей, Одри рвало. Если верить мужу, на протяжении последнего часа она жаловалась на тошноту, головокружение и сильную головную боль. Дыхание, прерывистое и неглубокое, все учащалось. А в какой-то момент она вдруг сказала, что ничего не видит.

И состояние больной продолжило ухудшаться после того, как ее поместили в машину «скорой».

– Ну как там у вас дела? – окликнула его Тамми.

– Обо мне не беспокойся. Главное – это вовремя поспеть на отпевание, – ответил ей Али спокойным, ровным голосом.

– Уж я-то людей знаю, – голос Тамми прозвучал сквозь

завывание сирены, которую она включила для поднятия духа. – Тебе надобно доставить ее пусть еле живой, но доставить. А я – как раз та девушка, которая знает, как это сделать.

Закрякала рация. Их диспетчер.

– Дайте знать, как только отъедете от городской больницы, – произнес мужской голос.

– Да ее еще и в волнах не видно, – ответила Тамми. – Какие будут указания?

– Вас ждут в другом месте. Как можно скорее.

– Да в чем дело? – вскричала Тамми. – Что, все остальные парамедики взяли больничный? Или скопом отправились на рыбалку?

Ответ отрицательный. Все заняты.

– Что?

– Похоже, что в городе разразилась эпидемия гриппа, – ответил диспетчер. – Дайте знать, как только освободитесь. – Связь оборвалась.

– Что он сказал? – спросил Али.

Тамми резво вывернула руль. В отдалении над купами деревьев показалась большая синяя буква «Б», означающая, что именно здесь находится городская клиническая больница Промис-Фоллз. До нее не больше мили.

– Что-то странное происходит, – заметила Тамми. – Со всем не то субботнее утро, которого я ожидала.

Когда Али и Тамми выпадала утренняя смена в выходные, они начинали рабочий день с чашки кофе в «Данкинс», разо-

гревались перед первым вызовом.

Но сегодня никакого тебе кофе. Одри Макмишель стала их вторым вызовом с утра. Первым был вызов в дом на Брекнвуд-драйв, где проживал Теренс Родд, вышедший на пенсию бывший статистик восьмидесяти восьми лет. Он сам позвонил по 911 и жаловался на боли в груди и головокружение. Тамми не преминула заметить, что жил он прямо рядом с тем домом, где несколько недель тому назад была убита женщина по фамилии Гейнор.

Довезти до реанимации живым Теренса так и не удалось.

Гипотония, подумал тогда Али. *Пониженное кровяное давление.*

И вот еще один аналогичный случай с другим пациентом, и там тоже отмечалось критически пониженное кровяное давление.

Вдруг Тамми резко ударила по тормозам и вскрикнула:

– Господи! – Али поднял голову – посмотреть через лобовое стекло, что случилось.

Прямо посреди дороги, перегораживая путь «скорой», стоял мужчина. «Стоял» – не совсем точное в данном случае выражение. Он скрючился, прижав одну руку к груди, другая с растопыренной пятерней поднята, видно, просил «скорую» остановиться. Потом мужчина согнулся пополам, и его вырвало прямо на асфальт.

– Черт побери! – воскликнула Тамми и схватилась за рацию. – Нужна помощь!

– Постарайся его объехать, – сказал Али. – У нас нет времени помогать какому-то алкашу, который выполз на проезжую часть.

– Да не могу я, Али! Смотри, он на колени упал! Мать твою, господи, прости и помилуй!..

Тамми поставила машину на ручник, крикнула:

– Сейчас вернусь! – и выпрыгнула из «скорой».

– Что у вас происходит? – спросил диспетчер.

Али не мог оставить Одри Макмишель, а потому не ответил ему.

– Сэр? – окликнула Тамми, подбегая к мужчине. На вид ему было около шестидесяти или шестьдесят с небольшим. – Что с вами, сэр?

– Помогите, – прошептал он.

– Как ваше имя, сэр? – спросила она.

Мужчина пробормотал что-то неразборчивое.

– Как-как?..

– Фишер, – выдавил он. – Уолден Фишер. Я... мне что-то не по себе. И с желудком тоже... вот, только что вырвало.

Тамми положила ему руку на плечо.

– Поговорите со мной, мистер Фишер. Какие еще у вас симптомы? На что жалуетесь?

– Голова кружится. Тошнота. Короче, плохо мне, очень паршиво. – Он испуганно смотрел ей в глаза. – И еще сердце. Сердце вроде бы прихватило.

– Идемте со мной, сэр, – сказала она и повела его к ма-

шине «скорой». Распахнула задние дверцы, поместила его в отсек, где лежала Одри.

Чем дальше, тем веселее, подумала она, недоуменно качая головой. *Интересно, кто следующий?*

И тут вдруг она услышала взрыв.

Эмили Таунсенд поднесла чашку к губам, отпила первый глоток и сочла, что кофе немного горчит.

И тогда она вылила все содержимое кофеварки в раковину – шесть чашек, это как минимум, вынула фильтр с приставшими к нему частичками кофе и начала все сначала.

Воду из крана спускала добрые полминуты, прежде чем залить ее в кофеварку – хотела убедиться, что пошла уже совсем свежая. Затем вставила новый фильтр и насыпала из банки шесть полных ложек молотого кофе.

Нажала на кнопку.

Стала ждать.

Когда кофеварка запищала, она налила кофе в чашку – взяла новую, чистую, а прежнюю положила в раковину – добавила одну ложку сахара и капельку сливок и размешала.

Затем поднесла теплую чашку к губам и осторожно отпила глоток.

Может, прежде ей просто показалось? Вкус просто превосходный.

Может, все дело в зубной пасте? И именно она испортила вкус кофе в первой чашке?..

Кэл Уивер завтракал – если это вообще можно было назвать завтраком – в маленьком кафе, выгороженном в вестибюле гостиницы «Бест Бэт», что находилась на трассе 9, в четверти мили от съезда на автомагистраль 87, примерно на полпути между Промис-Фоллз и Олбани.

Он провел здесь большую часть недели.

И поселился он в этой убогой «Бест Бэт» (бесплатный вай-фай!) вовсе не из-за того, что наблюдал за кем-то или по какой иной надобности, имеющей отношение к работе частного детектива. Нет, просто потому, что то был единственный самый близкий к Промис-Фоллз отель, где имелись свободные номера. И поселился он здесь, пока подыскивал себе новое жилье. Кто-то запустил файер и поджег книжный магазин, над которым находилась его квартира, и хотя помещение не выгорело дотла, жить там было уже невозможно. В квартире стоял едкий удушливый запах дыма, к тому же в здании отключили электричество.

Кэлу меньше всего на свете хотелось бы жить с сестрой Селестой и ее мужем Дуэйном. Его присутствие в этом доме лишь усугубляло и без того напряженные отношения между сестрой и его зятем. Тот занимался ремонтом городских дорог, и в связи с недавним урезанием бюджета работы у него было совсем немного.

И Кэл решил поселиться в гостинице.

В «Бест Бэт» обещали бесплатные завтраки, и не соврали. Всегда получаешь ровно столько, сколько платишь. В первый

день Кэл, спустившись вниз, ожидал, что ему подадут омлет с беконом и сыром чеддер, картофель по-домашнему и поджаристый тост. Но он с отвращением обнаружил, что выбор здесь весьма ограничен: можно было взять овсяную кашу в запечатанном пластиковом контейнере, яйца вкрутую (предварительно очищенные от скорлупы – уже хоть что-то!), булочки вчерашней выпечки и пончики, бананы и апельсиновый сок, коробочки с йогуртом и – слава тебе, господи! – кофе.

Официант появился всего лишь раз – принес кофе в высоком алюминиевом кофейнике.

Просто чудо из чудес! Кофе был вполне себе ничего, пить можно.

В вестибюле он взял бесплатную газету, издаваемую в Олбани, и теперь пролистывал ее, сидя за столиком у окна, чтоб можно было наблюдать за движением по трассе, запиная черствую булочку с черникой кофе в пластиковом стаканчике. Он уже дважды наполнял этот стаканчик.

Впрочем, он не рассчитывал найти объявления о сдаче жилья внаем в этой газете и оказался прав. И поскольку раздобыть здесь в «Промис-Фоллз стандарт» другую газету было невозможно, решил после завтрака пошарить в Сети, может, там появились новые объявления.

Тут у него зазвонил мобильник.

Он достал его из кармана, посмотрел, кто звонит.

Люси Брайтон.

Она уже не в первый раз пыталась дозвониться ему со дня их последней встречи в начале недели. Пару раз он ей ответил, а потом перестал реагировать на ее звонки. Он уже знал, что скажет ему Люси, о чем собирается спросить. Все то же самое, о чем спрашивала и прежде.

Что он собирается делать?

Он и сам пока что еще не знал.

Должен ли он сообщить полиции о том, что стало ему известно? А может, стоит позвонить старому другу из Промис-Фоллз, детективу полиции Барри Дакворту, и рассказать все, что ему известно об убийстве Мириам Чалмерс?

Кэл понимал – наверное, все же стоит. Но не был уверен, что это будет правильный поступок.

И все из-за Кристэл, одиннадцатилетней дочери Люси. Люси растила и воспитывала девочку одна, с тех пор как ее муж Джеральд отвалил в Сан-Франциско и крайне редко с тех пор возникал на горизонте.

Кэл не знал, что произойдет с Кристэл, если ее мать упекут в тюрьму. Отец Люси Адам погиб во время того трагического происшествия у кинотеатра под открытым небом. Мать умерла несколько лет тому назад. Разве это справедливо и хорошо – оставить маленькую девочку без матери?

Да и потом: разве это его, Кэла, проблема? Разве не сама Люси должна была подумать о последствиях, прежде...

А телефон все продолжал звонить.

Народу в этом так называемом кафе при гостинице было

немного, но те, кто пришел завтракать, время от времени с любопытством косились на Кэла и гадали, ответит ли он наконец на эти чертовы звонки.

Он провел пальцем по экрану и отключился.

Вот вам, пожалуйста.

И снова взялся за газету, где подробно описывались последние события в Промис-Фоллз. Полиции так до сих пор и не удалось выяснить, кто разрушил огромный экран в кинотеатре под открытым небом. Цитировалось высказывание Дакворта о том, что полиция работает сразу в нескольких направлениях и надеется в самом скором времени произвести арест.

А стало быть, заключил Кэл, настоящего подозреваемого у них пока что нет.

Телефон опять зазвонил. Снова Люси.

Нельзя же позволить, чтоб он трезвонил бесконечно. Надо или отключиться, или ответить.

Он провел пальцем по экрану, поднес мобильник к уху.

– Привет, Люси, – сказал он.

– Это не Люси, – отозвался чей-то юный голосок.

– Кристэл? – спросил Кэл.

– Это мистер Уивер?

– Да. Это ты, Кристэл?

– Да, – глухо произнесла она.

Кристэл, как быстро понял Кэл, была странноватым, но необыкновенно талантливым ребенком. Она непрерывно со-

здавала какие-то графические новеллы, с головой погружалась в свой воображаемый мир. Со всеми людьми, кроме матери, вела себя робко и застенчиво, хотя заметно потеплела к Кэлу, когда тот проявил интерес к ее работам.

Неужели Люси использует дочь, чтобы убедить Кэла не обращаться в полицию? Использует, чтобы вызвать у него сострадание или симпатию? Неужели это она заставила дочь названивать ему по мобильнику?

– Что случилось, Кристэл? – спросил он. – Это твоя мама попросила тебя позвонить мне?

– Нет, – ответила девочка. – Мама заболела.

– Печально слышать. У нее что, грипп?

– Я не знаю. Но ей правда очень плохо.

– Надеюсь, что скоро станет лучше. Зачем ты мне звонишь, Кристэл?

– Потому что она очень больна.

Тут Кэл встревожился:

– А что с ней такое, Кристэл?

– Она не двигается.

Кэл резко поднялся из-за стола. Прижимая телефон к уху, выискивал глазами через витрину свою машину.

– А где она сейчас?

– На кухне. На полу лежит.

– Ты должна немедленно позвонить в 911, Кристэл. Ты знаешь, как это сделать?

– Да. Это все знают. Я уже позвонила. Но никто не отве-

тил. А ваш номер был у нее в телефоне, вот я и позвонила вам.

– А твоя мама, на что она жаловалась?

– Вообще ничего не говорила.

– Выезжаю к тебе, – сказал Кэл. – А ты продолжай набирать 911, ладно?

– Ладно, – ответила Кристэл. – До свидания.

Перед тем как Патриция Хендерсон решила, что ей все же стоит обратиться в больницу, она набрала 911.

Она всегда считала, что, когда наберешь 911, кто-то должен немедленно ответить. После первого же гудка. Но в 911 не отвечали, ни после первого гудка, ни после второго.

И после третьего тоже не ответили.

После четвертого гудка Патриция решила, что, возможно, неправильно набрала номер.

И тут ей наконец ответили.

– Не вешайте трубку, пожалуйста! – торопливо произнес чей-то голос. А затем настала тишина.

Симптомы у Патриции – а их становилось все больше – не утихали, и она, даже пребывая в состоянии некоторого смятения, решила, что ей не стоит ждать, когда ответит наконец свободный диспетчер из 911.

Она опустила трубку на стол, не стала класть на рычаг. И принялась искать кошелек. Неужели он в-о-о-н там, так далеко, на маленьком столике у входной двери?

Патриция сощурилась и вроде бы убедилась, что кошелек именно там.

И побрела к столику, затем полезла в сумку, хотела достать ключи от машины. После десяти секунд бесплодных поисков она вывернула сумку наизнанку и вывалила все ее содержимое на стол, большая часть предметов при этом падала на пол.

Она часто заморгала, пытаясь сфокусировать взгляд. Такое ощущение, словно она только что вышла из душа и пытается сморгнуть воду, попавшую в глаза, чтобы хоть что-то разглядеть. Потом наклонилась, согнулась чуть ли не пополам и пыталась ухватить предмет, похожий на ключи, но пальцы ухватили лишь пустоту, зависли в трех дюймах от того места, где лежали ключи.

– А ну, перестаньте, прекратите это, – сказала ключам Патриция. – Ведите себя прилично.

И нагнулась еще ниже, чтоб ухватить ключи, но вместо этого упала головой вперед в коридор. Попыталась встать хотя бы на колени, но тут навалилась дурнота, и ее вырвало на пол.

– В больницу, – еле слышно прошептала она.

Заставила себя подняться на ноги, распахнула дверь, не стала запирасть или даже закрывать ее за собой, и поплелась через холл к лифтам, одной рукой цепляясь за стенку, чтобы не упасть. Жила она на третьем этаже, но понимала – с тремя лестничными пролетами ей не справиться.

Патриция моргнула несколько раз, хотела убедиться, что нажала нижнюю кнопку, а не верхнюю. Через десять секунд – Патриции показалось, что прошло не меньше получаса, – дверцы лифта раздвинулись. Она шагнула в кабину, нашарила кнопку нижнего этажа, надавила. Качнулась вперед, уперлась лбом в то место, где смыкались дверцы лифта. А потому секунд десять спустя, когда они раздвинулись на первом этаже, выпала головой вперед в холл.

Но там никто этого не заметил. Хотя это вовсе не означало, что внизу, в холле, никого не было. Там лежало *тело*.

Пребывающей в полубессознательном состоянии Патриции показалось, что она узнала упавшую. Это была миссис Гвинн из квартиры ВЗ. Она лежала лицом вниз в луже собственной рвоты.

Патриции все же удалось пересечь холл и выйти на улицу. У нее было одно из лучших парковочных мест перед домом. Машина стояла первой в длинном ряду. Всегда была под рукой.

Сегодня я этого заслуживаю, подумала Патриция.

Направила ключи в сторону своей «Хёндай», надавила на кнопку. Открылся багажник. *Вот тебе и на*. Добравшись до дверцы со стороны водительского места, она нажала другую кнопку. Заползла внутрь, долго возилась, чтоб вставить ключ зажигания. Мотор завелся, она воспользовалась этим моментом, чтобы хотя бы капельку передохнуть. На секунду уперлась лбом в рулевое колесо.

И тут же спросила себя: *Куда это я собралась ехать?*

В больницу. Да, в больницу. Просто великолепная, замечательная идея!

По привычке она посмотрела в зеркало перед тем, как отъехать, но поднятая крышка багажника перекрывала видимость. Ничего, не проблема. Она выжала сцепление, и тут же врезалась задним крылом машины в «Вольво», этот автомобиль принадлежал мистеру Льюису, вышедшему на пенсию работнику социальной службы, который жил двумя этажами ниже.

От удара треснула задняя фара, но Патриция словно ничего не слышала.

Ей удалось выехать на дорожку и миновать длинный ряд припаркованных автомобилей, при этом «Хёндай» резко заносило то вправо, то влево, словно вел машину человек, изрядно напившийся или же проводящий какие-то испытания.

Машина быстро набрала скорость в шестьдесят миль в час в том месте, где она была ограничена тридцатью. Но Патриция не понимала, что едет вовсе не к больнице, которая, по иронии судьбы, находилась всего в полумиле от ее дома, но по направлению к Уэстон-стрит, к месту своей работы в публичной библиотеке Промис-Фоллз.

Последнее, о чем она успела подумать перед тем, как потеряла сознание и сердце ее остановилось, это о совещании по фильтрации интернета, где она собиралась послать всех этих тупоголовых пуритан, сущих идиотов и задниц, возо-

мнивших, что они имеют право контролировать работу компьютеров в библиотеке, к чертовой бабушке.

Но ей не выпало такой возможности, потому как ее «Хёндай» пересек три полосы движения, перескочил через бордюр у автозаправки «Эксон» и на скорости шестьдесят миль в час врезался в одну из колонок самообслуживания.

Взрыв был слышен на расстоянии двух миль от этого места.

Теперь Дэвид Финли, работая менеджером по связям с общественностью у Рэндела Финли, владельца фирмы «Ключевые воды Финли», а также бывшего мэра Промис-Фоллз, каждый день по возвращении домой привозил четыре упаковки бутилированной воды. Эта продукция попадала в дом даже быстрее его самого, и все обитатели должны были потреблять только ее.

Сын Дэвида Итан пил в основном молоко, и тем не менее каждое утро, перед тем как Итан отправится в школу, отец совал ему в рюкзак вместе с ланчем бутылочку воды. Чего только не было у него в рюкзаке! Особенно после перестройки кухни, ведь Дэвид жил вместе с родителями. Мать Дэвида Арлин пила бутилированную воду при каждой возможности, полностью игнорируя ту, что текла из крана. Таким образом она стремилась продемонстрировать поддержку мужу при его поступлении на новую работу, хотя поначалу не слишком радовал тот факт, что Дэвид трудится на Финли,

человека, чья репутация значительно потускнела в ее глазах, когда несколько лет тому назад прошел слухок, будто он питает пристрастие к малолетним проституткам.

А вот отец Дэвида Дон не разделял такого отношения невестки к бывшему мэру. Поскольку этот бывший мэр как-то сказал Дэвиду – и Дон был с ним полностью согласен, – если все в этом мире откажутся работать на подонков и задниц, то наступит тотальная безработица, а на белом свете полным-полно задниц еще хуже его самого, Финли. Впрочем, такое отношение к Финли вовсе не распространялось на его продукцию. Дон считал бутилированную воду самой настоящей обдираловкой. Нет ничего глупее, чем платить за то, что и так течет из-под крана практически бесплатно.

И нельзя сказать, что Дэвид с ним не соглашался.

– Они уже заставили нас платить за ТВ, которые было совершенно бесплатным, когда я был ребенком, – возмущался Дон. – И еще создали эти люксовые радиостанции, на которые, видите ли, надо подписываться. Да меня вполне устраивает старое доброе «Эй-эм». Господи, куда мы катимся? Наверняка установят при входе в туалеты на втором этаже автоматы, куда надо будет бросать монетку.

Дэвид спустился на кухню, открыл холодильник и обнаружил там гораздо больше свободного пространства, чем обычно.

– Смотрю, вы практически все уже слопали, – заметил он своей матери, которая готовила завтрак для Дона. Дэвид

готов был поклясться, что члены его семьи встали, должно быть, в три часа ночи. Ему ни разу не удавалось спуститься на кухню первым.

– Использовала кое-что для приготовления кофе, – сказала она.

Дон, зажавший в руке кружку, поднял глаза от планшета, в котором пытался читать новости.

– Что ты сделала?

Арлин метнула в его сторону взгляд.

– Ничего.

– Ты заварила кофе на этой дряни в бутылках?

– Просто пытаюсь использовать воду по назначению.

Он оттолкнул кружку к центру стола.

– Не собираюсь это пить.

Арлин развернулась, уперла руки в бока.

– Ах вот как?

– Да, вот так, – ответил он.

– Что-то прежде не слышала, чтоб тебе не нравился вкус.

– Не в том дело, – пробормотал он.

Арлин указала на кофеварку:

– Что ж, тогда налей туда воды и приготовь сам, по-новому.

Дон Харвуд заморгал.

– Я не умею варить кофе. Ты всегда его варила. Я всегда неправильно отмеряю дозы.

– Что ж, теперь самое время поучиться.

Они смотрели друг на друга несколько секунд, затем Дон придвинул к себе кружку и сказал:

– Прекрасно. В таком случае иду на рекорд, хоть мне это и претит.

– В таком случае пошлю в Си-эн-эн твит, – сказала Арлин.

– Нет, ей-богу, с вами не соскучишься, – заметил Дэвид.

– Это уж точно, – кивнула Арлин. – Чем собираешься заняться сегодня с этим – да упаси нас боже! – возможно, будущим мэром?

– Ничего особенного, – ответил Дэвид. – Похоже, день сегодня будет спокойный.

Тут его отец вдруг поднял голову и напоминал теперь оленья, прислушивающегося, не идет ли охотник.

– Слыхали? – спросил он. Должно быть, где-то сильный пожар. Все утро слышал, как воют сирены.

Эти же сирены разбудили Виктора Руни.

Было начало девятого, когда он открыл глаза. Посмотрел на радио с будильником, рядом на тумбочке стояла недопитая бутылка пива. Спал он хорошо, особенно с учетом того, что было накануне, да и сейчас чувствовал себя неплохо, пусть даже и завалился спать в два часа ночи, никак не раньше. И как только голова коснулась подушки, вырубился моментально.

Он протянул из-под одеяла руку, хотел включить радио, послушать новости. Но восьмичасовая программа новостей

из Олбани уже закончилась, и сейчас радиостанция передавала музыку. Группа «Спрингстин», «Улицы Филадельфии». Самая подходящая песня ко Дню поминовения, а праздник этот, можно считать, начался уже в субботу. В эти выходные славили людей, мужчин и женщин, которые погибли, сражаясь за свою страну, а песня посвящалась городу, где была подписана Декларация независимости.

Словом, в самый раз.

Виктору всегда нравились «Спрингстин», но слушая эту песню, он погрустнел. Как-то раз они с Оливией собирались пойти на концерт этой группы.

Оливия вообще обожала музыку.

Нет, нельзя было сказать, что она сходила с ума от Брюса, но очень любила некоторые его песни, особенно шестидесятых-семидесятых. Среди ее любимчиков были дуэт Саймон и Гарфанкел, а также рок-группа конца шестидесятых под названием «Криденс Клиавотер Ривайвл». Однажды он услышал, как она поет «Счастливы вместе», и спросил, кто написал эту песню. «Тётлз»³, ответила она.

– Чего ты мне голову морочишь? – сказал он. – Разве была такая группа под названием «Тётлз»?

– Да, «Тётлз», причем всегда с определенным артиклем, – поправила его она. – Как и «Битлз», тоже с определенным. Никто не говорит просто «Битлз». И если можно назвать группу «Жуки», то почему бы не быть и «Черепухам»?

³ «Тётлз» – американская поп-рок-группа, образовалась в 1963 г.

– Так, значит, счастливы вместе, – сказал он, прижимая ее к себе, пока они шли по дорожкам колледжа Теккерей. В ту пору она еще была там студенткой.

То был самый счастливый их год перед тем, как все это случилось.

На этой неделе будет уже три года.

Сирены все завывали.

Виктор лежал неподвижно и прислушивался к этим звукам. Одна из них вроде бы доносилась из восточной части города, вторая – с севера. Полицейские автомобили или, скорее всего, машины «скорой». Не похоже, что пожарные. У тех звук сирен более глубокий, низкий. Слышны басовые нотки. Если это «скорые», то, судя по всему, съезжаются они к городской больнице.

Да, утро в Промис-Фоллз выдалось очень оживленное.

Что, что же такое происходит?

Похмелья он сейчас не испытывал – довольно редкое для него явление. И голова с утра почти совсем ясная. Вчера вечером он не выходил из дома куда-нибудь выпить, вместо этого вознаграждал себя пивом, которое принес домой.

Вчера он тихо подобрался к холодильнику, достал бутылку «Бада». Ему не хотелось будить домовладелицу Эмили Таунсенд. После смерти мужа она переехала в этот дом и занимала спальню в этой же квартире наверху. Он взял бутылку с собой и отпил половину перед тем, как спуститься к себе, этажом ниже. А потом очень быстро заснул и так и не

допил пиво.

А теперь оно теплое.

Но Виктор все равно потянулся к бутылке и отпил глоток. Скроил гримасу и поставил бутылку обратно на тумбочку, но слишком близко к краю. Она упала на пол, пиво выплеснулось на коврик и носки Виктора.

– О, черт! – пробормотал он и поспешно поднял бутылку, в которой осталось еще немного.

Выпростал ноги из-под одеяла и, стараясь не ступить в лужицу, поднялся и встал рядом с постелью. На нем были только синие трусы. Он открыл дверь спальни, сделал пять шагов по направлению к ванной, которая была не занята, и сорвал с сушилки первое попавшееся под руку полотенце.

И остановился прежде, чем сойти по лестнице.

Из кухни доносился запах свежемолотого кофе, но в доме было как-то необычно тихо. Эмили всегда вставала рано и первым делом заваривала кофе. Выпивала как минимум двадцать чашек в день, кофейник сопровождал ее почти повсюду.

Однако Виктор не слышал, чтобы она возилась на кухне, в доме царил полная тишина.

– Эмили? – окликнул он.

Никто ему не ответил, и он вернулся к себе в комнату. Сбросил банное полотенце на пол, в том месте, где пролилось пиво, и принялся топтать его босыми ногами, вкладывая всю свою силу. Когда, как ему показалось, все пиво впи-

талось, он отнес мокрое полотенце в холл, где сунул его на дно корзины для грязного белья, которая стояла в чулане под лестницей.

Он снова вернулся в комнату, натянул джинсы, нашел в комодке свежую пару носков и футболку.

Оделся и спустился по лестнице прямо в носках. Эмили Таунсенд на кухне не оказалось.

Виктор заметил, что на дне кофейника жидкости осталось всего на дюйм, но сегодня кофе ему не хотелось. Он направился к холодильнику, размышляя, не рановато ли выпить еще одну бутылку «Бада» прямо с утра, в восемь пятнадцать.

Может, и рановато.

А сирены все продолжали завывать. Он достал контейнер с порошковым апельсиновым соком, налил в стакан. Выпил его залпом.

Потом задумался, чем бы позавтракать.

Обычно по утрам он ел на завтрак овсянку или хлопья. Но если Эмили готовила яичницу с беконом, жарила блины или французские тосты – словом, все то, что требовало больше стараний, – он набрасывался на еду, точно голодный волк. Впрочем, похоже, что сегодня его домохозяйка решила не утруждаться.

– Эмили? – снова окликнул он.

В кухне была дверь, выходящая на задний двор. Даже не одна, а две двери, если считать вот эту, сетчатую. Внутренняя дверь была распахнута, и Виктор решил, что Эмили за-

чем-то вышла во двор.

Он наполнил стакан апельсиновым соком, настезь распахнул вторую дверь и посмотрел во двор через сетчатую дверь.

И увидел Эмили.

Она лежала на дорожке лицом вниз, примерно в десяти футах от своей ярко-голубой «Тойоты», зажав в руке ключи от машины. Очевидно, в другой руке она несла сумочку, но выронила ее, и теперь сумочка валялась на краю дорожки. Из нее вывалились кошелек и небольшой футляр, в котором она носила очки для чтения.

Она не двигалась. С места, где стоял Виктор, невозможно было различить, поднимается и опускается ли ее спина, что означало бы, что она еще жива и дышит.

Он поставил стакан с апельсиновым соком на столик и решил, что, наверное, все же стоит выйти и посмотреть, что с ней.

ТРИ

Дакворт

Обычно по утрам я соблюдаю определенные ритуалы.

Прежде всего я должен находиться в ванной один. Если

там Морин, если она видит, что я шагнул на весы, то оборачивается, косится на меня и спрашивает нечто вроде: «Ну, как успехи?»

Нет, если есть какие-то достижения, я не против, пусть себе смотрит, но чаще всего никаких достижений нет.

Во-вторых, я должен приходить сюда голым. Если обернуть вокруг талии полотенце, то, глядя на стрелку весов, я тут же скидываю фунтов пять – с учетом полотенца. Все же оно довольно толстое.

Я также не должен ничего есть перед взвешиванием. Лишь изредка позволяю себе позавтракать перед процедурой утреннего омовения. В такие дня я обычно не взвешиваюсь.

Если все эти три условия соблюдены, я готов встать на весы.

Это надо делать очень медленно. Если резко на них запрыгнуть, то, боюсь, стрелка быстро скакнет до самого края и там и останется. А Морин потом будет спрашивать: неужели это правда, что я вешу 320 фунтов?

Ничего подобного.

Ладно, буду с вами честен до конца. Мой вес – 276 фунтов. Ладно, это не совсем точно. Скорее уж 280.

Становясь на весы, я ухватился одной рукой за сушилку для полотенец. И не для того, чтоб сохранить равновесие, просто решил дать весам шанс подготовиться к тому, что их ждет. И только когда обе мои ступни размещаются на весах,

я отпускаю руку.

И смотрю на результат.

Морин, добрая душа, всегда поддерживает меня и делает все, чтоб я похудел хотя бы на несколько фунтов. И не выражает ни малейшего неудовольствия по поводу моей внешности. Клянется, что любит меня, как и прежде. И что я самый сексуальный из мужчин, которых она когда-либо знала.

Я благодарен ей за эту ложь.

Но она говорит, что я должен есть как можно больше фруктов, овощей и круп и как можно меньше пончиков, мороженого и пирогов – такая диета мне только на пользу.

Да она и половины не знает того, что следовало бы знать.

Я был у врача. У нашего терапевта Клары Морхаус. Так вот, доктор Морхаус считает, что я «пограничный» диабетик. И что кровяное давление у меня повышенное. И что лишний вес у меня сосредоточен в самом худшем месте, а именно – в животе.

Все это выяснилось тут на днях, на стоянке у кинотеатра под открытым небом. Женщина, которая служила в Ираке и занималась разминированием бомб, помогала нам выбираться оттуда, а заодно прикидывала, какой силы должен быть заряд, чтобы обрушить экран, и я что было силы поспешил за ней, пока она двигалась с легкостью горной козочки, пробирающейся по каменистым уступам.

Я задышался. Сердце колотилось как бешеное.

Все это буквально вчера я рассказал доктору Морхаус.

– Вы должны принять решение, – сказала она. – Никто не может принять его за вас.

– Понимаю, – протянул я.

– Понимаете, почему вам это необходимо? – спросила она.

– Просто люблю покушать, – ответил я. – И потом, последнее время я под большим стрессом.

Доктор Морхаус улыбнулась.

– Последнее время? – спросила она, глядя мне прямо в глаза. – Но ведь это случилось на прошлой неделе или около того?

Тут она меня поймала.

По правде говоря, я действительно находился под стрессом последнее время. И это не имело никакого отношения к тому, что или сколько я там ем. Но я проработал в городской полиции Промис-Фоллз двадцать лет – юбилей состоялся как раз на этой неделе и прошел незамеченным, – и на протяжении всего этого времени ни разу не выдавалось такого трудного месяца.

А началось все с ужасного убийства Розмари Гейнор. И еще с нескольких довольно странных событий в городе. Начиная с массовой гибели белок, колеса обозрения, которое вдруг пришло в движение само по себе, и заканчивая хищником, который вдруг объявился в колледже, и самовозгоранием автобуса.

Так мало всего этого, теперь еще и взрыв на стоянке перед

кинотеатром.

А ведь тогда там присутствовал Рэндел Финли, этот сукин сын.

Он решил снова баллотироваться в мэры и поливал всех и каждого грязью. Нынешнего мэра, начальника полиции, да кого только не придется. Слышал, дошло до того, что он шантажировал собственного сына Тревора, который развозил в фургоне, принадлежавшем фирме Финли, упаковки с бутилированной водой, заставил его говорить о вещах, которые Тревор якобы подслушал, когда находился в нашем доме.

У меня прямо руки чесались прикончить эту гниду.

«Наверное, – сказал я себе, – надо бы подготовиться хорошенько, чтоб как-то справиться со всем этим дерьмом, а лишний вес в том помеха.

Займусь подготовкой сегодня же».

Взвесившись в ванной, я побрился. Обычно по субботам я не бреюсь, но сейчас сделал над собой усилие. То ли бритва у меня затупилась, то ли в пене для бритья было слишком много ментола, не знаю. Но ощущение было такое, словно щеки и шею обожгло огнем. Я похлопал по щекам полотенцем – вроде бы помогло. Затем достал из комода огромных размеров красную футболку и старые темно-красные тренировочные штаны, которых не надевал вот уже несколько лет. Затем стал рыться во встроенном шкафу в поисках кроссовок и нашел. И когда Морин поднялась наверх, в комнату, и

увидела меня в этом облачении, то удивленно спросила:

– Что происходит? Ты похож на вышедшего в тираж супергероя.

– Вот, хотел заняться ходьбой, прямо с утра, – ответил я. – Ну, прошагать милю или две. Просто хотя бы попробовать, всего один раз.

На самом деле мне нужен был целый месяц.

– А я как раз кофе решила сварить, – сказала Морин.

– Выпью, когда вернусь. И не утруждай себя приготовлением завтрака. Съем банан, что-нибудь в этом роде.

Она подозрительно смотрела на меня.

– Это никуда не годится.

– В каком смысле?

– Я хотела сказать, ходьба по утрам – это прекрасная идея. Так что ступай. Но ограничиваться одним бананом на завтрак нельзя. Если будешь упражняться на голодный желудок, то к десяти наверняка слопаешь шесть булочек с яйцом. Могу тебе с этим помочь. Я могу...

– Я знаю, что делаю, – перебил ее я.

– Хорошо, хорошо. Но только спешка тут неуместна, иначе наступит разочарование.

– У меня нет времени увеличивать нагрузку постепенно, – заметил я. И тут же пожалел, что сказал это.

– Ты что имеешь в виду? – спросила Морин.

– Просто хотел сказать, что нужны перемены. И мне такой режим подходит.

– Что-то произошло со вчерашнего дня?

– Ничего.

– Нет, что-то явно произошло.

За годы совместной жизни Морин впитала, словно через какую-то мембрану, мою способность тут же распознавать ложь.

– Я же сказал тебе, ничего. – И отвернулся.

– Наверное, ходил к доктору Морхаус?

– Что? Куда? – Никогда прежде я не был так близок к провалу.

– И что же она сказала?

Я мялся, не зная, что ответить.

– Да ничего особенного. Так, несколько вещей.

– А с чего это ты вдруг пошел к ней? Что тебя подтолкнуло?

– Просто я... тут на днях вдруг почувствовал, что задыхаюсь. На той стоянке перед кинотеатром. Торопился, пробрался к выходу. – Я не стал упоминать о том, что незадолго до этого съел «бургер кинг», не видел в том особого смысла.

– Ладно, – задумчиво протянула Морин.

– И еще она сказала, что мне стоило бы начать пересматривать свой образ жизни, внести в него какие-то пусть незначительные изменения как таковые.

– Как таковые, – повторила Морин.

– Ага. – Я пожал плечами. – Ну вот и решил этим заняться.

Морин многозначительно кивнула:

– Прекрасно. Просто замечательно. – И окинула меня взглядом с головы до пят. – Но только выходить в таком виде нельзя.

– В каком таком виде?

– В этих жутких штанах. Господи, да в них ты выглядишь как человек, которого подстрелили и бросили умирать в чан с виноградом.

Я глянул на штаны.

– Да, пожалуй, что красного перебор.

– Должны быть какие-то еще. Сейчас поищу. – Она протиснулась мимо меня и полезла во встроенный шкаф. Я слышал, как Морин шуршит там, передвигает вешалки с одеждой. – А что, если... Нет, нет, это не подходит. Может...

Тут у меня зазвонил мобильник. Он стоял на зарядке рядом с кроватью. Я подошел. Взглянул, кто звонит, выдернул провод и приложил телефон к уху.

– Дакворт.

– Карлсон.

Ангус Карлсон, наш новый детектив, отказавшийся от униформы, потому как считал, что она связывает нам руки. Насколько я помнил, сегодня он как раз работал.

– Да? – сказал я.

Тут Морин вылезла из шкафа с парой серых свитеров в руках. Как же я мог их пропустить?

– Ты должен подъехать, – сказал Карлсон. – Все наши бу-

дут, в том числе и проводник с собакой.

– А что происходит? – спросил я.

– Конец света, вот что, – ответил Карлсон. – Ну или почти конец.

ЧЕТЫРЕ

Всякий раз, когда Дэвид Харвуд пропускал мимо ушей отцовские слова, он позже о том сожалел. Если бы Дон слышал странное тарактенье под капотом машины Дэвида, он бы непременно проверил, в чем там дело. Несколько лет тому назад, когда Дэвид был еще мальчишкой, Дон расслышал какую-то странную возню над потолком, на которую никто больше не обратил внимания. Позже выяснилось, что на чердаке обосновались еноты.

Так что стоило Дону сказать, что он слышит вой многочисленных сирен, Дэвид вышел из кухни и, пройдя через гостиную, оказался на ступеньках крыльца.

В отдалении слышался вой. Причем не одной сирены, а сразу нескольких. По меньшей мере двух или трех. Даже, может, больше чем трех.

Он всматривался сквозь деревья, искал, где поднимается к небу дым, но деревья в старой части города так разрослись, что видно было плохо. Но в городе явно творилось что-то неладное. И даже несмотря на то, что Дэвид уже не работал в газете, репортерские инстинкты у него сохранились. Он со-

бирался выяснить, что же происходит.

Он вбежал в дом, схватил ключи от машины, что лежали на столике в прихожей. Арлин заметила это и спросила:

– Куда собрался?

– Туда, – ответил он и махнул рукой в сторону улицы.

Перед тем как плюхнуться на сиденье «Мазды», он какое-то время стоял и прислушивался, пытаясь определить, откуда исходит вой сирен. Одна завывала вроде бы на востоке, звук другой доносился с запада.

И что же все это означает? Если бы произошла какая-то крупная авария с жертвами, то машины «скорой» должны были бы съезжаться к одному месту, верно? Может, подобные инциденты одновременно случились в разных частях города? Но тогда каждая «скорая» стремилась бы добраться до одного определенного места происшествия, и приближались бы они к нему с разных точек.

Ладно, не важно, решил он. Пока что, судя по вою сирен, все «скорые» направлялись к одному месту, а именно: к городской больнице Промис-Фоллз.

Вот туда он и поедет.

Перед тем как выехать со двора на улицу, он быстро осмотрелся по сторонам. Задние колеса уже коснулись асфальта, как вдруг раздался резкий гудок. Откуда ни возьмись вырвался синий фургон, он ехал, виляя из стороны в сторону, шины визжали, и промчался он мимо Дэвида со скоростью почти семьдесят миль в час, и это в жилом райо-

не, где скорость ограничивалась тридцатью.

Фургон направлялся туда же, куда собрался ехать Дэвид. На следующем перекрестке резво свернул влево, накренился и проскочил поворот почти что на двух колесах.

Дэвид вдавил педаль газа. Больница находилась впереди, примерно в двух милях, и на выезде из своего района он увидел дым. Свернул еще раз и увидел три пожарные машины, искры и волны пламени над тем местом, где находилась автозаправка «Эксон». На автозаправке бушевал пожар, рядом с ней, на островке, окруженном шлангами, виднелся остов обгоревшей машины. Похоже, подумал Дэвид, машина врезалась в одну из заправочных колонок. Так вот из-за чего весь этот сыр-бор? Взрыв на автозаправке!..

Позади послышался вой сирены, он приближался. Посмотрев в зеркало, Дэвид увидел, что это «скорая». Он свернул к обочине и притормозил, полагая, что машина остановится сейчас на безопасном расстоянии от автозаправки.

Однако ничего подобного. «Скорая» проехала мимо.

Дэвид направился следом за ней.

И вот показалась больница, и он увидел, что у входа в отделение «неотложки» стоит как минимум дюжина машин «скорой», так ярко мигая всеми своими огнями, что человеку с повышенной чувствительностью глазной сетчатки недолго и ослепнуть. Дэвид пристроил «Мазду» на боковой улице рядом с больницей в самом конце полосы со знаком «Парковка запрещена», выскочил из салона и побежал.

Прежде у него в кармане непременно находился бы блокнот, а в руке бы он держал камеру. И он вдруг почувствовал себя чуть ли не голым. Но даже без этих инструментов, связанных с его ремеслом, он сохранил наблюдательность, свойственную репортерам, и тут же отметил одну странную вещь.

Задача парамедиков состоит в том, чтобы доставить пациента в отделение неотложной помощи, передать принимающей стороне и перед тем, как уехать, убедиться в том, что человеком, которого они доставили, тут же занялись.

Тут ничего подобного не наблюдалось.

Два врача «скорой», которая опередила его, выгрузили женщину на носилки, несколько секунд поговорили с врачом, стоявшим рядом, – видимо, объяснили, что с ней не так, – затем запрыгнули обратно в свою машину и унеслись прочь с воем сирены и визгом колес.

Дэвид, миновав машины «скорой», вбежал в отделение.

Там царил суший бедлам.

Все кресла были заняты, половина людей ожидали приема, других пытались утешить встревоженные члены семьи. Кругом стоны, одни люди плачут, другие криками зывают о помощи.

Мужчина лет шестидесяти стоял покачиваясь, затем его вырвало на пол прямо перед Дэвидом. Слева от него в кресле, учащенно дыша, сидела женщина, потом вдруг повалилась головой вперед. Мужчина, придерживающий ее за пле-

чи, закричал:

– Помогите! Помогите!

Помимо парамедиков и штатных сотрудников больницы в приемной находились полицейские в униформе, но Дэвид видел в их глазах лишь беспомощность и полное непонимание того, что происходит и что следует предпринять.

Он заметил женщину с ребенком лет шести, не больше – тот скорчился пополам от боли.

– Что случилось? – спросил он.

В глазах женщины засветилась надежда.

– Вы доктор?

– Нет.

– Нам нужен доктор. Когда нас осмотрит хоть какой-нибудь доктор? Сколько можно еще ждать? Девочка больна! Вы только посмотрите на нее!

– А что с ней такое? – спросил Дэвид.

Женщина отчаянно затрясла головой, потом проговорила торопливо:

– Не знаю. С Кэтти все было нормально, потом вдруг она почувствовала слабость, задышала как-то очень часто, голова у нее закружилась и...

– Мамочка, – прошептала Кэтти. – Мне кажется, я... Комната так и кружится перед глазами.

– Как давно с ней это случилось? – спросил Дэвид.

– Внезапно, словно гром среди ясного неба. Она всегда была таким здоровым ребенком! Я сама проследила, чтобы

ей сделали все положенные прививки и... – тут она резко умолкла, словно вспомнила что-то. Полезла в сумочку, достала телефон. – Почему здесь нам не оказывают никакой помощи? Муж в Нью-Йорке, у него деловая поездка, и я не могу...

– А вы в какой части города живете? – спросил ее Дэвид.

– Что?

– Где вы живете?

– На Клинтон-стрит. Неподалеку от школы.

Дэвид прекрасно знал, где это находится. Сын его подружки Саманты Уортингтон Карл ходил в ту же школу.

– Надеюсь, что доктор к вам скоро подойдет, – сказал он и прошел чуть дальше по коридору к креслу, где, согнувшись и уперев локти в колени, сидел какой-то мужчина.

– Сэр? – окликнул его Дэвид.

Мужчина медленно поднял голову. Глаза словно остекленели, он никак не мог сфокусировать взгляд.

– Что?

– Как ваше имя? – спросил Дэвид. Этот человек показался ему знакомым.

– Фишер, – ответил тот, хватая ртом воздух. – Уолден Фишер.

Работая в «Бостон глоуб», Дэвид был хорошо знаком с делом об убийстве Оливии Фишер, хотя сам им не занимался. В газете были размещены снимки, в том числе и родителей убитой женщины, так что, скорее всего, перед ним отец Оли-

вии. Однако он не собирался говорить об этом ему.

– Вы должны дать мне какое-то лекарство, – произнес Фишер. – Мне кажется... похоже, я сейчас потеряю сознание.

– Простите, но я не врач.

– Горло болит... меня вырвало... сердце бьется со скоростью сто миль в минуту.

– Когда все это началось?

– Утром... сразу после завтрака. Чувствовал себя нормально. А потом выпил кофе и почувствовал: что-то не то... Желудок начало выворачивать наизнанку. – Он искоса и с отчаянием взглянул на Дэвида. – Ну, почему вы не врач?

– Просто не врач, и все тут, – ответил Дэвид и тут же задал Фишеру тот же вопрос, который задавал матери Кэтти: – А где вы живете?

Фишер пробормотал адрес. Совсем не тот район, где проживали Кэтти с матерью.

– А вы кого-нибудь из этих людей знаете? – спросил Дэвид, указывая на ожидающих приема больных. Возможно, подумал он, все они отравились в одном и том же ресторане фастфуда накануне вечером. Эдакий массовый случай отравления некачественной едой.

Тут кто-то рухнул на пол. Взвизгнула женщина.

– А я что, должен? – спросил Фишер. – Разве у меня сегодня день рождения?

Дэвид не был эпидемиологом, но это не помешало ему задаться вопросом: почему у людей из разных районов вдруг

появились одинаковые симптомы, причем примерно в одно и то же время? Может, с воздухом что-то не так?..

Выпил кофе... потом почувствовал себя плохо.

Плохой кофе? Неужели все эти люди в городе утром пили некачественный кофе? Дэвид оглянулся, взглянул на большую девочку.

Слишком мала, чтобы пить по утрам кофе. Но...

Дэвид подошел к маме больной девочки, которая не оставляла попыток дозвониться и вызвать врача по телефону.

– А что ваша дочурка ела сегодня на завтрак?

Женщина, сжимающая руку дочери, подняла на него заплаканные глаза.

– Что?

– Что ела на завтрак Кэтти?

– Ничего. Она никогда не завтракает. Пытаюсь впихнуть в нее хоть что-нибудь, но она отказывается.

– И ничего не пьет?

Женщина отвела глаза.

– Ну почему же? Апельсиновый сок.

Дэвид не спросил Фишера, пил ли тот помимо кофе апельсиновый сок. Может, в магазины города поступила большая партия зараженного чем-то сока? Вроде бы несколько лет тому назад уже произошла одна скандальная история с подделкой лекарств от головной боли. Впрочем, вряд ли тут просматривается аналогия с нынешней историей. Вряд ли все пострадавшие пили утром этот апельсиновый сок.

Но Дэвид все же спросил:

– А какой марки сок?

– Не помню... Он замороженный.

– Замороженный?

– Ну да, концентрат. И утром я разбавила его водой и перемешала.

Вода. Вода, с помощью которой готовят из концентрата апельсиновый сок. Вода нужна и для приготовления кофе.

Дэвид стал искать глазами больничное начальство. Множество врачей и медсестер суетились вокруг больных, и было трудно определить, кто тут главный. Может, его здесь вообще и не было.

Агнесс могла бы быть.

Дэвид вспомнил свою тетушку Агнесс Пикенс, которая заведовала этой больницей вплоть до того момента, пока несколько недель назад не решила покончить с собой, прыгнув со скалы в водопад Промис.

Словом, Агнесс, сколь ни прискорбно это осознавать, оказалась не слишком правильным человеком. Однако только теперь Дэвид понял, как катастрофически ее здесь не хватает.

Кто-то бесцеремонно отодвинул Дэвида в сторону. Мужчина лет под тридцать в бледно-зеленом хирургическом комбинезоне и шапочке, со стетоскопом вокруг шеи. Нижняя часть лица прикрыта хирургической маской, призванной защитить от микробов, носящихся в воздухе.

И тут Дэвид почувствовал себя совершенно незащищенным. Как только ему в голову не пришло, что буквально каждый человек в приемном покое мог оказаться заразным? Боже, да ведь это вполне возможно, что над городом с воздуха распылили какую-то заразу! Ведь в самом начале недели Промис-Фоллз уже, возможно, подвергся террористической атаке, когда кто-то устроил взрыв на автомобильной стоянке у кинотеатра под открытым небом. Правда, пока что не было никаких свидетельств в пользу того, что это устроили именно террористы – Промис-Фоллз, небольшой городишко, стал целью террористов, *да этого просто быть не может!* А теперь, несколько дней спустя, вот это?..

Мужчина опустился на колени перед Кэтти и сказал:

– Я доктор Блэйк. А как тебя зовут?

Кэтти, бледная как полотно, не ответила. Вместо нее заговорила мама:

– Кэтти. Ее зовут Кэтти. Я ее мать. Что происходит? Что это случилось со всеми нами?

Доктор не отвечал на эти ее вопросы. Заглянул Кэтти в глаза, затем приложил к ее груди стетоскоп.

– Гипотония, – сказал доктор Блейк.

– Гипертония? Высокое кровяное давление? Чтоб у ребенка в ее возрасте вдруг обнаружилась...

– «Гипо», а не «гипер». Пониженное кровяное давление.

– И каковы причины? – спросил Дэвид.

Врач обернулся к нему.

– Я не знаю, – ответил он.

– Может, все дело в воде? – предположил Дэвид. – Может, она оказалась некачественной или просто заразной?

Доктор несколько секунд обдумывал это его высказывание, задумчиво оглядывая помещение.

– Пожалуй, это лучшее объяснение, которое я до сих пор слышал, – пробормотал он. – Именно этим и объясняются кожные высыпания.

– Высыпания?

– Многие люди жаловались на зуд и раздражение кожи. – Он обернулся к матери девочки: – Ведите свою дочурку сюда.

– И сколько всего? – спросил Дэвид.

– Сколько кого? – переспросил доктор. И, отвернувшись от матери с девочкой, тихо спросил: – Больных или умерших?

Дэвид хотел спросить про больных, но с языка сорвалось:

– Умерших.

– Не поддаются счету, – прошептал он. – Каждую минуту умирают дюжинами.

Женщина подхватила Кэтти на руки. Двинулась следом за доктором, и вот они скрылись за пластиковой занавеской в одной из смотровой.

– Господи, – спохватился вдруг Дэвид и полез в карман за мобильником. Никаких сообщений ему не поступало.

Он выбежал из приемного покоя на улицу – машины «ско-

рой» продолжали подъезжать, поток больных не иссякал. Он набрал домашний номер.

– Да? – ответила мама.

– Не пейте воду, – сказал ей Дэвид.

– О чем это ты толкуешь? Я все равно считаю, что бутилированная вода лучше любой другой и...

– Нет, воду из-под крана! Она может быть отравлена!

Арлин крикнула, но не Дэвиду:

– Не пей это, слышишь? Это Дэвид звонит. Я же сказала тебе, не пей!

– Передай папе, чтобы он не смел прикасаться к воде из-под крана, – сказал Дэвид.

– А он как раз собирался заварить новый кофе в кофейнике, старый дурак.

– Из-под крана ничего не пить. Даже чистить зубы этой водой не надо. Старайтесь, чтоб ни капли ее на кожу не попало. Скажите Итану! Обзвоните всех знакомых и предупредите, что пользоваться водой из-под крана категорически нельзя!

– А что случилось? Что не так с водой?

– Пока что точно не знаю, прав я или нет, – ответил Дэвид. – Просто это одна из основных версий, которая все объясняет.

– Так ты что же, собираешься...

– Мам! Обзвони людей!

И он отключился и начал перебирать довольно длинный список своих контактов в мобильнике.

Так, Марла Пикенс. Его двоюродная сестра. Недавно обрела младенца, о существовании которого не подозревала.

Мэтью.

Дэвид живо представил, как Марла делает смесь для младенца в бутылочке. И набрал ее домашний номер.

Телефон долго звонил. Дэвид уже собрался отключиться, как вдруг кто-то поднял трубку и, судя по звуку, тут же уронил ее.

– Алло? – произнес он.

На линии слышалась какая-то возня, затем Марла дрожащим голосом спросила:

– Ты где? Я звонила несколько минут назад.

– Ты мне звонила?

Пауза на полсекунды.

– Это Дэвид?

– Да, я. Послушай, Марла, может, я ошибаюсь, но мне кажется, что-то не так с...

– Кажется, он умер! – взвизгнула она.

Господи Боже. Мэтью!

– Все, Марла, я отключаюсь. А ты звони в 911, срочно, и...

– Да я звонила уже тысячу раз! Там никто не подходит. А я не могу его разбудить!

Почему бы дяде Дэвида Джилу не отвезти Мэтью в больницу?

– Попроси отца отвезти Мэтью в больницу! Зачем ждать самого...

– Да это не Мэтью! Это папа!

И в ту же секунду Дэвид услышал подтверждение ее слов – откуда-то издали доносился плач младенца. Он почувствовал облегчение и в то же время – полную свою беспомощность. Судя по тому, что он только что видел в больнице, если Джил, по словам Марлы, выглядел мертвым, то он, скорее всего, мертв. И Дэвид сомневался, что он чем-то может помочь дяде, если тот находится в таком состоянии. Но Марле, которой за этот месяц довелось так много пережить, он просто обязан оказать поддержку. Ну, по крайней мере, попросить оставаться у телефона. А он тем временем обзвонит всех и предупредит, что они не должны...

Сэм.

Саманта Уортингтон и Карл. Он должен их предупредить. Ведь сейчас только девять, субботнее утро, и вполне возможно, что они еще не вставали с постели. Он не разговаривал с Сэм два дня и как раз собирался позвонить ей сегодня, спросить, нет ли у нее желания пообщаться вечером. Дэвид даже подумывал, что попробует уговорить ее прийти с сыном и оставить его ночевать у себя в доме с Итаном. Пусть мама возьмет на себя роль няньки при двух ребятишках, и тогда они с Сэм поедут к ней домой, где им никто не помешает прекрасно провести время.

Впрочем, теперь совсем не до того.

Дэвид сказал Марле:

– Продолжай набирать 911. Я выезжаю. И ни в коем случае

не пей воду. Она...

Тут вдруг в трубке послышался щелчок.

– Марла?

Наверное, она повесила трубку.

Ну что ж, ладно. Надо позвонить Сэм. Дэвид нашел ее номер, нажал пальцем на экран. Стационарного телефона у нее в доме не было, но она всегда держала под рукой мобильник.

Телефон звонил.

И звонил.

После четвертого гудка Дэвид запаниковал. Что, если Сэм с сыном встали рано? Что, если уже использовали воду из-под крана?..

Шесть гудков.

Семь.

Он прервал звонок и решил отправить ей текстовое сообщение.

Быстро набрал: ПОЗВОНИ МНЕ!

И в ожидании ответа Сэм не сводил глаз с экрана мобильного.

Но она не отвечала.

Тогда он добавил: НЕ ПЕЙ ВОДУ ИЗ-ПОД КРАНА.

Затем Дэвид побежал к своей машине. По дороге заметил, как на стоянку на территории больницы въехал полицейский автомобиль, водитель его резко ударил по тормозам. За рулем сидел детектив Барри Дакворт.

ПЯТЬ

Рэндел Финли поднялся рано, вывел свою собаку Бипси на прогулку, затем вернулся в дом и присел на край кровати, где лежала жена. Положил ей ладонь на лоб – он оказался теплым и влажным – и спросил:

– Ну, как спалось?

Она повернула голову на подушке, чтоб лучше видеть его, потом так медленно заморгала веками, что это походило на открывание и закрывание гаражных дверей.

– Ничего, – слабым голосом ответила она. – Помоги мне подняться.

Он бережно приобнял ее за плечи и приподнял в постели, отчего она оказалась в сидячем положении, потом взбил подушки у нее за спиной.

– Вот так просто отлично, – сказала она.

– Сегодня ты выглядишь значительно лучше, – заметил он и снова присел на кровать. – Отдохнувшей. – Финли покопался на тумбочку – целый набор коробочек с лекарствами, бутылка воды, очки для чтения и роман Кеннета Фоллетта, книга такой толщины, что вполне могла бы служить тормозной колодкой на полосе для посадки реактивного истребителя. Она была раскрыта где-то на середине и перевернута вверх обложкой.

– Все никак не осилишь, – заметил он.

– Нет, роман мне нравится, но всякий раз, когда начинаю читать, из головы напрочь вылетает то, что прочла до этого, вот и приходится возвращаться. – Жена выдавила улыбку. – Люблю, когда ты мне читаешь.

Рэндел взял в привычку каждый вечер, вернувшись домой, читать ей вслух по одной главе.

– Дел у меня на сегодня особых нет, – сказал он. – Так что могу прочесть одну главу утром, а другую – днем.

– Хорошо, – отозвалась жена. – Как себя чувствуешь? Как спал?

– О, ты же знаешь. Я всегда прекрасно сплю.

– А мне показалось, я слышала, как ты ночью вставал. Выходил куда-то из своей комнаты, уже после того, как пожелал мне спокойной ночи?

– Да вроде бы нет, – пробормотал он. – Ну разве что вышел ненадолго глотнуть свежего воздуха.

Финли услышал, как у дома затормозила машина.

– Должно быть, Линдси, – произнес он. Он нанял помощницу по хозяйству вскоре после того, как жена заболела. Она не только обслуживала Джейн Финли, но и готовила, убиралась в доме, бегала по разным поручениям.

– А сегодня что, праздник? – спросила Джейн.

Финли кивнул.

– Тогда ты должен дать ей выходной.

Финли пожал плечами.

– Ну, мало ли что. Никогда не знаешь, что может слу-

читься, вдруг она понадобится. Может, меня срочно вызовут на завод. И если придется быстро уехать, она останется тут, присмотрит за тобой.

Джейн прижала язык к нёбу, резко отвела, послышался тихий щелчок.

– Во рту пересохло, – сказала она.

Он потянулся за полупустой бутылкой «Ключевая вода Финли», что стояла на тумбочке, отвинтил крышку. Поднес ее ко рту жены, дал отпить несколько капель.

– Хорошо, – пробормотала Джейн. – Так, значит, никаких кампаний на сегодня?

– Не знаю, не уверен. Многие разъехались по загородным домам или же работают в саду, проводят весеннюю уборку. Так что не думаю, что сегодня пустозвон вроде меня привлечет чье-то внимание.

Она протянула слабенькую руку, коснулась его руки.

– Перестань.

Финли улыбнулся.

– Я знаю себе цену, дорогая. Знаю, в чем хорош, а в чем плох.

Жена усмехнулась, но смех перешел в приступ кашля. Финли завел руку ей за спину и осторожно наклонил вперед. Кашель начал стихать.

– Ну, все прошло? – спросил он и снова привел больную в сидячее положение.

– Вроде бы да. Думаю, просто поперхнулась водой, когда

засмеялась.

– Постараюсь больше тебя не смешить, – сказал он.

– И потом, знаешь, – добавила Джейн, – никакой ты теперь не пустозвон, хоть и был им прежде. – Ее лицо вновь озарила слабая улыбка. – Ты стал гораздо лучше, чем был.

Он вздохнул.

– Мне трудно об этом судить.

– А знаешь, я что-то слышала, когда просыпалась. Вроде бы сирены?

– Я был в душе, и радио в ванной было включено, – ответил Финли. – И я не слышал... – Он тут же осекся и прислушался. – Да, вроде бы теперь слышу.

– Вроде бы пока что «скорая» не за мной, – заметила она. Финли похлопал ее по руке и поднялся.

– Схожу вниз, поздороваюсь с Линдси.

– Попроси ее приготовить мне лимонад, ладно?

– Конечно. Но сперва ты должна позавтракать, правильно?

– Я не очень-то голодна.

– Тебе надо есть как следует.

Глаза у Джейн затуманились, изо всех оставшихся сил она вцепилась в руку мужа.

– Какой смысл?

– Никогда так не говори.

– Но это лишь вопрос времени.

– Неправда! Если поддерживать силы, питаться должным

образом, то никто не может сказать, как долго ты... Ну, сама понимаешь.

Она отпустила его руку, вяло уронила свою на одеяло.

– Хочешь, чтоб я протянула как можно дольше, чтобы увидеть, что ты искупил свою вину?

– Что за глупости, – нахмурился Финли. – Хочу, чтоб ты прожила как можно дольше, и точка.

– Но ты уже искупил свою вину в моих глазах. – Пауза. – Хотя... мне могут понадобиться эти очки.

На губах Финли снова возникла улыбка.

– Скоро вернусь и почитаю тебе, – сказал он и вышел.

– Утро доброе, – поздоровалась Линдси, сухопарая жилистая женщина за шестьдесят, когда Финли вошел в кухню.

– Привет, – откликнулся он.

– Ну, как там сегодня Джейн?

– Слабенькая. Но в целом неплохо. Она просит лимонад.

– Как раз собиралась приготовить графин. А завтракать она будет?

– Говорит, что нет, но, думаю, надо принести ей что-нибудь поесть. Может, яйцо-пашот? На тосте?

– Сделаю. Ну а вы сами-то что будете?

Он призадумался на секунду.

– Думаю, пусть будет то же самое. Но только не одно яйцо, а два.

– Кофе?

Он кивнул.

Линдси достала из шкафчика большую мерную чашку и наполнила ее «Родниковой водой Финли» из кулера, что стоял в углу. Налила воды в кофеварку, вставила фильтр, насыпала молотого кофе и надавила на кнопку.

– Прямо уж и не знаю, что это такое сегодня тут в городе творится, – заметила она.

– А что? – пробормотал он, читая эсэмэски в телефоне.

– Да по дороге к вам видела штук пять «скорых», если не больше. – Линдси жила милях в пяти от города.

Финли оторвал взгляд от мобильного.

– Сколько, говоришь?

– Ну, пять, шесть или семь. Прямо счет им потеряла.

Финли взглянул на часы.

– И все за последние полчаса или около того?

– Ну, – ответила она, доставая из холодильника яйца, – это когда я въезжала в город.

Финли снова взялся за телефон и нашел номер Дэвида Харвуда. Долгие гудки перед тем, как тот наконец ответил.

– Да? – рявкнул Дэвид. Финли услышал на заднем фоне рев автомобильного мотора.

– Дэвид, что...

– Я уже все знаю. И мне некогда говорить с тобой, Рэнди.

– Хочу, чтобы ты кое-что для меня проверил. Линдси говорит, что...

– Линдси?

– Ты ее не знаешь. Это наша помощница по хозяйству.

– Все, пока, Рэнди. Тут кругом настоящий ад, и мне...

– Поэтому я и звоню. Линдси сказала, что видела много «скорых». И что все они...

– Поезжай в больницу, посмотри сам.

– А что произошло?

Ответа не было, из чего Финли сделал вывод, что Дэвид уже отключился.

– Мне варить яйца не надо, – бросил Финли Линдси. – И будь так добра, скажи Джейн, что мне пришлось срочно уехать по делам.

ШЕСТЬ

Дакворт

Подобную картину можно было бы наблюдать, если бы где-то в окрестностях города потерпел крушение самолет. С той разницей, что никакого самолета не было, и люди, томящиеся в очереди в приемной, страдали вовсе не от порезов, ушибов, да и травмированных конечностей здесь тоже не было видно.

Но это вовсе не означало, что хаоса было меньше.

Мне не понадобилось много времени, чтобы охватить взглядом всю эту картину. Дюжины пациентов на разных

стадиях заболевания.

Некоторые неподвижно лежали на полу и, скорее всего, были уже мертвы. Людей рвало, они корчились в судорогах, яростно расчесывали зудящие руки и ноги. Дети плакали, родители взывали о помощи.

Врачи и медсестры просто сбивались с ног. И мне не хотелось отрывать их от дел в разгар работы, но необходимо было разобраться в том, что происходит, и быстро.

Я достал свой полицейский жетон, чтобы привлечь хоть чье-то внимание, но затем вдруг увидел одного человека в хирургической маске и сразу узнал по глазам и очкам. Что неудивительно, поскольку мы виделись с ней только вчера.

– Доктор Морхаус? – спросил я.

Пряди волос спадали ей на глаза, очки в коричневой оправе сидели криво. Она смотрела куда-то в другом направлении и проскочила мимо меня.

– Клара! – окликнул я.

Тут она остановилась, обернулась:

– Барри.

Даже несмотря на то, что нижняя часть лица была прикрыта маской, вид у нее был испуганный и одновременно профессионально решительный.

– Ну-ка, поделись со мной быстренько, – сказал я. – С чем мы имеем дело?

– У всех аналогичные симптомы. Тошнота, головная боль, рвота, резкое снижение кровяного давления. Все идет по на-

растающей. Судороги, затем перехватывает дыхание, сердцебиение учащается, а потом сердце останавливается. Гипотония. Мало того, многие больные до крови расчесывают кожу.

– Пищевое отравление?

– Нет, не думаю. То есть хочу сказать, еда здесь ни при чем. Но в организм явно попало что-то не то. Нечто, с чем они вступили в контакт.

– Все сразу? Люди по всему городу?

Клара посмотрела мне прямо в глаза.

– Не только по всему городу. По всей нашей больнице. У нас на разных этажах лежат постоянные пациенты с теми же симптомами. И началась все это сегодня, прямо с утра.

– Но как такое возможно? Столь быстрое распространение?

– Я грешу на воду.

– На городской водопровод?

Она кивнула.

– Что-то попало в питьевую воду. Возможно, нефтяные загрязнения. Или отходы химического производства. Словом, нечто в этом роде.

– И что вы можете для них сделать? – поинтересовался он.

Прежде чем ответить, она плотно сжала губы.

– Похоже, что на данный момент ничего.

– Сколько всего пострадало?

– Полным-полно, как самолетов над аэродромом. Счет идет на дюжины. Боюсь, что скоро пойдет на сотни. Мне по-

ра бежать, Барри. А ты предупреди людей. Как можно скорее.

– А ты Аманду не видела? – спросил я. Аманда Кройдон являлась нынешним мэром Промис-Фоллз.

– Нет, – ответила Клара. – Все, я пошла.

Пришлось ее отпустить.

Развернулся, и тут же в меня врезался один знакомый.

– Карлсон, – пробормотал я.

– Черт, извини, – ответил Ангус Карлсон. – А ты когда сюда пришел?

– Да только что. Удалось что-нибудь узнать?

Он заглянул в небольшой блокнот, который держал в правой руке.

– Вчера вечером никто не заболел. Самые ранние жалобы на недомогание начали поступать сегодня около шести утра. Симптомы у всех схожие. Головокружение, тошнота, боль в желудке, слабое учащенное дыхание.

– Наверняка все дело в воде, – заметил я.

– Да, – дрожащим голосом протянул он. – Симптомы отмечены у всех, кто пил водопроводную воду. Пусть даже ее кипятили, чтоб приготовить чай. Похоже, что заболеванию чаще подвержены старые и пожилые люди, возможно, просто потому, что старики обычно встают раньше.

Что ж, в том был какой-то смысл. Про себя я отметил, что сегодня утром Карлсон воздерживается от обычно присущего ему черного юмора. Нет, сегодня явно не до шуточек. Этот

человек просто потрясен происходящим. Что и понятно – ведь ни один из нас до сих пор не видел ничего подобного.

Вода... Надо позвонить Морин.

– А ты успел обзвонить всех своих близких? – спросил я. – Ну, на тот случай, если они ничего не слышали и не знают?

Он кивнул:

– Позвонил жене, сказал ей.

– А матери? – Как-то раз в участке я случайно подслушал, как он говорит с ней по телефону.

– Да, да, и ей тоже позвонил, – закивал он. – Все предупреждены.

Я заглянул за спину Карлсону, увидел еще одного знакомого. Но то был не врач и не штатный работник больницы. Это был Уолден Фишер, он сидел в кресле в приемном отделении «неотложки» и нервно грыз ноготь.

– А, черт, – пробормотал я.

– Что? – спросил Карлсон и обернулся.

– Уолден Фишер.

– Фишер? – без особого, как мне показалось, удивления, произнес Карлсон.

– Словно ему мало досталось. Помнишь убийство Оливии Фишер?

– Само собой.

– Так вот, это была его дочь. А жена скончалась совсем недавно. Мне надо с ним поговорить. А ты продолжай расспрашивать людей, постарайся узнать все, что сможешь.

И я отошел, намереваясь подойти к Фишеру один, но Карлсон последовал за мной.

– Мистер Фишер, – произнес я.

Он поднял на меня глаза, моргнул пару раз и продолжал смотреть вопросительно и недоуменно, словно пытался вспомнить, кто я такой.

– Детектив...

– Дакворт, – подсказал ему я. – А это детектив Карлсон.

– Мистер Фишер, – почтительным кивком приветствовал его Ангус Карлсон. – Как поживаете?

Фишер перевел взгляд на Карлсона.

– Как поживаю? Да я, черт побери, вот-вот отдам концы, вот как я поживаю.

– А что случилось? – спросил я.

Он медленно и растерянно покачал головой:

– Понятия не имею. Меня вдруг вырвало прямо посреди улицы... и машина «скорой» чуть не переехала. Ну и они подобрали меня и привезли сюда. Утром выпил чашку кофе и после этого почувствовал себя как-то странно. Мы что, все разом заболели? Что вообще происходит?

– Все пытаются это выяснить, – ответил я. – А вас доктор смотрел?

– Нет. Сижу здесь вот уже целую вечность. – Уолден приложил ладонь к груди. – И сердце колотится как бешеное. Вот, послушайте. – Он взял меня за руку, крепко прижал ладонью к груди и держал так. Несмотря на болезненное со-

стояние, хватка у него оказалась на удивление крепкой. Под фланелевой рубашкой я ощутил учащенное биение сердца. Медицинского образования у меня нет, но тут сразу стало ясно, что с сердцем у него дела плохи.

– Ну, что думаете? – спросил он.

Я не знал. Если притащить сюда врача, чтоб его осмотрел, я оторву его от другого пациента, которому, возможно, следует уделить больше внимания. И пусть даже Уолдену Фишеру плохо, он выглядит лучше многих других – из тех, кто находится в приемном покое. В качестве утешения я похлопал его по плечу и сказал:

– Врач непременно подойдет к вам. Просто больных очень много, не справляются с наплывом.

Добрый старина Барри Дакворт. Никогда не лезет в карман за словом. Тут выяснилось, что Карлсон в этом деле куда лучше меня.

Он опустил на колени, глаза его находились на одном уровне с глазами Фишера, и заявил следующее:

– Просто хотел сказать, я еще не работал официально в полиции, когда с вашей дочерью Оливией столь жестоко обошлись.

Слезящиеся глаза Уолдена Фишера слегка расширились.

– Так что в расследовании не участвовал. Но пристально следил за всем ходом расследования. И считаю так: это просто ужасно, что никто пока не понес наказания за столь чудовищное преступление.

– Гм... да, – выдавил Уолден.

– Я просто... просто хотел сказать, что соблезную вашей потере, – тут Карлсон осторожно покосился в мою сторону, словно надеялся, что я помогу ему в этой неловкой ситуации, в которую он сам себя загнал и теперь сожалел об этом. Он поднялся, выпрямился во весь рост, кивнул сперва Фишеру, затем – мне. – Дам вам знать сразу, как только что-нибудь услышу, – сказал он и отошел, направился на поиски новой информации.

Это был другой Ангус Карлсон, совсем непохожий на того, с кем я столкнулся раньше, в начале месяца. Тот непрерывно сыпал избитыми шутками, где фигурировали дохлые белки. Возможно, повышение в ранге, пусть даже временное, делает человека умнее и лучше, потому как сейчас он меня просто потряс.

Ладно, дальше видно будет.

Я достал мобильник и увидел, что сигнал почему-то не проходит. По опыту я знал, что сигнал доступен во всех уголках больницы, особенно в приемном отделении «скорой», где телефон нужен больше всего. Вместо того чтобы выйти на улицу, я зашел в процедурную и попросил разрешения позвонить по телефону. Одна из медсестер покосилась на меня, но затем кивнула, давая тем самым разрешение, когда я показал ей свой жетон. Впрочем, ей было некогда мною заниматься.

Я должен был позвонить Ронде Финдермен, шефу поли-

ции Промис-Фоллз. Но личное взяло верх над профессиональным долгом. И вместо этого я набрал домашний номер.

– Алло? – сказала Морин. Голос у нее был встревоженный, видимо, потому, что на экране высветился номер больницы.

– Это я, – бросил я в трубку.

– Ты в порядке?

– Да. Послушай. Ты использовала сегодня воду из-под крана?

Пауза.

– Как раз собиралась приготовить чай.

– Не надо. С водопроводной водой что-то не так, от нее заболевают люди. Позвони Тревору и предупреди его. А потом походи по улице, попробуй разбудить людей, которые еще спят. Их тоже надо предупредить.

– Что, все так плохо?

– Хуже некуда.

– Сейчас выхожу на улицу, – сказала она.

– погоди, – остановил ее я. – Спусти воду из-под крана, проверь, нет ли какого запаха. Но совать туда руки не смей. Если, как сказал здесь врач, в воде появились примеси нефтяных отходов, то запах будет присутствовать непременно.

– Поняла.

– Иди проверь. Я жду.

Морин вернулась к телефону секунд через тридцать.

– Знаешь, спускала воду добрые полминуты, и ничего.

– Хорошо. Теперь можешь...

– Я пошла, – сказала она и бросила трубку.

Я очень, очень любил эту женщину.

Теперь можно и шефу позвонить. У меня в мобильном были ее рабочий и домашний номера, а также номер мобильного. Выудил из кармана свой телефон и стал использовать его в качестве записной книжки. И первым делом набрал номер ее мобильного по больничному телефону.

В последнее время Финдерман была от меня не в восторге. Она стала объектом разного рода комментариев и слухов, которые подбирал и усердно распространял по городу Тревор, который сделал их достоянием гласности, объявив, что Рэндел Финли вновь собирается баллотироваться в мэры.

Тревога я мог бы простить. Кого угодно, только не Финли.

Все это отражалось на мне, Финдерман была просто в ярости. Но сегодня не тот день, когда уместно припоминать старые обиды и распри и позволять им вмешиваться в работу.

Должно быть, она тоже поняла, что звонят из больницы, потому как сразу же ответила встревоженным голосом:

– Да?

– Это Дакворт, – сказал я. – Я в больнице.

– Как раз туда собираюсь.

– Надо сделать объявление по городу. Предупредить людей, что водопроводная вода может быть заражена.

– Ферраза уже над этим работает. – Анжела Ферраза возглавляла отдел по связям с общественностью. – Она готовит

экстренный выпуск новостей для радио и ТВ. Ну и в интернете тоже появится.

– Этого недостаточно, – сказал я. – Пусть люди обходят всех своих соседей. Будят их и предупреждают. Еще нам нужны пожарные машины с громкоговорителями, будут ездить по улицам и объявлять. Сообщите всем и каждому, пусть берутся за телефоны и обзванивают всех, кого только можно. Словом, тревога первого уровня.

В городе уже один раз случалось такое, после событий 11 сентября, но с тех пор все уже успели позабыть.

– Поняла, – коротко бросила Ронда. Я снова начал ее раздражать. Ей не нравилось, что кто-то вдруг начал объяснять, как ей надо делать свою работу.

– И еще надо сообщить в ЦКИПЗ, – сказал я. – Центр по контролю и профилактике заболеваний находился неподалеку от Атланты. И в департамент здравоохранения штата. Словом, всем. – Затем пришла еще одна мысль. – А что, эти ребята из Министерства внутренней безопасности все еще в городе?

Они десантировались здесь после того, как обрушился экран кинотеатра под открытым небом и жертвами стали четверо.

– Нет, уже убрались. Парень, которого якобы наняли преступники, клянется и божится, что он этого не делал. А они считают, что это он. Это, в свою очередь, означает, что ему будет предъявлено обвинение, затем начнутся судебные раз-

бирательства, но на статью «Терроризм» никак не тянет.

У меня не было причин, во всяком случае пока что, считать, что творящееся сейчас в городе является терроризмом. Может, просто несчастный случай. Чей-то недосмотр. Не обработали воду должным образом. Несколько лет назад произошел один такой случай – в маленьком городке у северной границы штата в водопровод через сточные воды от фермы попали бактерии E.coli. Люди на очистных сооружениях что-то проморгали, умерло несколько человек. Просто некомпетентность, терроризмом там и не пахло.

– Думаешь, это террористический акт? – спросила Ронда.

– Понятия не имею, что это такое. Надо поговорить с управляющим очистными сооружениями. Ты знаешь, кто он такой?

– Нет.

– Ладно, тогда сам этим займусь, – сказал я и отключился прежде, чем она смогла повесить все это на меня.

Я снова просмотрел список контактов в своем мобильнике и нашел номер городского муниципалитета. И набрал его с больничного телефона.

Там ответили почти сразу же.

– Здравствуйте...

– Говорит детектив Дакворт. Соедините меня с...

– ...вы позвонили в офис муниципалитета города Промис-Фоллз. Мы временно закрыты. Часы работы...

– Черт!..

Голос на автоответчике продолжал бубнить:

– ...С понедельника по пятницу с девяти тридцати утра до четырех тридцати вечера. Если у вас отключилось электричество, пожалуйста, звоните в компанию «Электрик Промис-Фоллз» в...

Я отключился. Глупо было бы думать, что в разгар подобных событий кто-то будет сидеть в справочной муниципалитета и выдавать телефоны городских служб всем желающим. Но мне нужно было узнать имя человека, отвечающего за работу очистного сооружения, причем нужно прямо сейчас, немедленно. Можно было бы поискать на городском сайте, если б под рукой имелся компьютер, подсоединенный к интернету. Но если здесь у них в больнице такого нет, придется выйти на улицу и попробовать поработать с мобильником.

И тут вдруг я вспомнил, что у меня в телефоне должен быть номер человека, который точно знает это имя.

Я поискал в недавних входящих звонках и нашел один номер, с которого мне звонили пару недель назад. И был совершенно уверен: это именно то, что мне нужно. Набрал номер с больничного телефона.

Он ответил после третьего гудка:

– Алло?

– Рэнди? – спросил я.

– Кто говорит?

– Барри Дакворт.

– Барри! – громко и почти радостно воскликнул он. Знал,

что я его ненавижу, и тем не менее приветствовал меня как доброго старого друга, вот ублюдок. – Что, черт побери, происходит?

– Кто возглавляет завод по очистке воды?

– Чего?

– Просто подумал, что это может быть тот самый человек, который работал там же, когда ты был мэром. Как его имя?

– Ну, прежде всего хотелось бы знать, зачем он тебе понадобился.

Я живо представил, как он насмешливо улыбается на том конце линии. Рэнди всегда отличался этой особенностью. *Конечно, я тебе помогу, но только сперва ты мне помо- жешь.*

И дело вовсе не в том, что мне не хотелось объяснять ему ситуацию. Очень скоро весь мир и так узнает. Просто мне было жаль тратить на это время. Хотя, подумал я, лучше уж с ним не спорить, ведь это займет куда больше времени.

Я вкратце описал ему ситуацию, сказал, что водопроводная вода в городе может представлять смертельную опасность.

– Черт побери, – пробормотал он. – Я рад, что использую дома только бутилированную воду собственного производства. Но как, мать твою, это могло случиться?

– Имя, Рэнди.

– Гарви Оттман. Ну, по крайней мере, он всем там заведовал, когда я был мэром. И я не слышал, чтобы он менял

место работы.

– Знаешь, где можно его застать?

– Я вот что тебе скажу, – начал Финли. – Не думай, я не сижу сложа руки. Как только услышал все эти сирены, пошел выяснить, что происходит. Попробую разыскать его для тебя. И тут же свяжусь, как только найду.

– Ладно, – произнес я. И подумал, что готов сейчас принять от него помощь. – А я тем временем попробую добратся до этого завода.

– Рад был помочь, – сказал Финли. – Тебе звонить по этому номеру?

Я не собирался задерживаться в больнице.

– Нет, – ответил я. – Лучше звони мне на мобильный. – Я знал, номер у него имеется.

– Сразу же с тобой свяжусь, – пообещал он и отключился.

В этот момент я взглянул на доску объявлений на стене, прямо над тем местом, где я стоял и звонил по телефону.

Там были расписания дежурств медсестер, призывы непременно мыть руки, а также снимок нескольких, видимо, свободных от дежурств медсестер, которые сгрудились у дорожки для игры в боулинг.

Все они счастливо улыбались.

В верхнем правом углу был приколот календарь заказов из местного цветочного магазина с изображением больших нарядных корзин, видимо, для того, чтобы напомнить персоналу о торжественных случаях и разных мероприятиях. В

некоторые уже были вписаны такие мероприятия. «Книжный клуб» и «День рождения Марты». А на сегодня кто-то вписал «Бридж».

Только тут я понял, какое сегодня число.

Двадцать третье мая.

СЕМЬ

Всего пару недель тому назад Джойс Пилгрим всерьез подумывала об увольнении из службы безопасности в колледже Теккерей. И вот теперь она все еще здесь и совершает обход помещений.

Странно все же порой складывается жизнь.

Причиной номер один для увольнения был ее босс: Клайв Данкомб.

Но с чего же начать?

Она возненавидела этого типа еще до того, как он подверг ее жизнь риску, используя в качестве приманки для поимки в кампусе хищника. Про себя она называла его мистером Мачо. Уж очень любил он рассказывать о своей работе в полиции Бостона – получалось, будто там он был самым крутым копом. Что заставило Джойс задаться вполне логичным вопросом: уж если ты был таким крутым копом в Бостоне, что заставило тебя перебраться в маленький колледж на северной границе штата Нью-Йорк? Что успел там натворить, раз тебя выперли из полиции Бостона и ты устроился на ра-

боту в столь убогом местечке?

У нее имелись свои подозрения на этот счет, многие из них были связаны с женой Данкомба Лиз, которая, судя по слухам, была родом вовсе не из Бикон-Хилл⁴. Скорее всего, она служила в элитном подразделении спецназа. Ладно, возможно, лучшая пора этого элитного подразделения, тесно работавшего со стриптиз-клубами и публичными домами, осталась позади, но то, что они навели порядок в том районе, еще вовсе не означало, что проституции в городе не осталось. Лиз нашла способ и надежных женщин, соответствующих всем необходимым требованиям. Предположительно, некоррупцированный полицейский был сражен ее обаянием, и до тех пор, пока не всплыла их неблагоприятная деятельность, жизнь они вели вполне уважаемую, ну а затем им пришлось переехать и начать строить новую жизнь в Промис-Фоллз.

Но тот факт, что люди порой переезжают, не делает их другими.

Клайв никогда не упускал случая сообщить Джойс, как замечательно она выглядит. Может, она посещает спортзал? Или привержена какой-то особой диете? А эти брючки сидят на ней как влитые. Он пытался пройти в дверь в тот же момент, когда проходила она, и тыльной стороной ладони якобы случайно касался ее груди. Туповатые служащие, с которыми она работала, советовали не обращать на это внима-

⁴ Бикон-Хилл – название аристократического района в Бостоне.

ния. У Клайва нет на уме ничего такого – просто он так уж устроен, вот и все.

А затем появился парень в капюшоне.

Он нападал на женщин в кампусе, затаскивал их в кусты. Хотя ни одну из студенток не избил и не изнасиловал, но нагнал немало страха. Бедняжки боялись, что следующее нападение закончится совсем плохо.

А сами нападения будут только учащаться.

Тогда вместо того, чтобы задействовать местных копов, Данкомб решил провести операцию собственными силами. И уговорил Джойс прогуливаться по ночам по затененной деревьями тропинке, чтобы выманить сукиного сына на себя. Он пытался уговорить ее одеться проституткой – коротенькая юбчонка, высокие сапоги, сетчатые чулки, но Джойс категорически отказалась, мотивируя тем, что этот маньяк, похоже, никогда не клюет на женщин легкого поведения.

Что ж, прекрасно, заметил явно разочарованный Данкомб. И обещал ей, что сам он и команда спасения будут самым пристальным образом наблюдать за происходящим, так что беспокоиться ей совершенно не о чем. Что оказалось полной ерундой, потому как маньяк неожиданно возник из темноты и успел затащить ее в кусты. Самое забавное оказалось в том, что когда он повалил ее на землю, тут же стал уверять, что волноваться ей не стоит, ничего страшного он ей не сделает, что это просто ради шоу, что...

В этот момент сквозь кусты прорвался Данкомб и всадил

парню пулю прямо в затылок.

А Джойс взяла отпуск.

Она твердо решила больше сюда не возвращаться. После операции, придуманной этим идиотом, у нее случился сильнейший нервный срыв. Никогда больше и ни за что не станет она служить под началом этого скорого на расправу кретина.

А затем случилось нечто невероятное.

Кретин скончался.

Клайва Данкомба убили. Ему подстроил автокатастрофу (нарочно, как позже выяснилось) один из профессоров колледжа. Подробности никто толком не знал – расследование, которое вела полиция Промис-Фоллз, еще не закончилось – но выяснилось, что Клайв и его жена Лиз, а также преподаватель английского с женой, погибшие как раз в тот день, когда рухнул экран открытого кинотеатра, были членами какого-то секс-клуба.

Новость шокировала.

Впрочем, думала Джойс, было бы еще более удивительно, если бы Данкомб не был замешан в чем-то эдаком.

Как бы там ни было, но буквально через день после гибели Клайва ей позвонили из офиса президента колледжа Теккеря. Не окажет ли мисс Пилгрим честь прийти на частный ленч с президентом?

«Неважно себя чувствую и не в настроении», – ответила она.

Но президент, сказали ей, очень бы хотел с ней перегово-

ритель. За ней вышлют машину.

И они прислали. Лимузин. Водитель в костюме и галстуке. Он вышел, обошел машину, распахнул перед ней дверцу и все такое прочее. Водитель указал, что на полке между сиденьями находятся бутылки с водой и широкий выбор легких закусок. Арахис, плитки шоколада, ментоловые леденцы.

И всего этого добра на десять минут езды!

Личный повар президента подал ленч в небольшой столовой, что находилась через холл, ровно напротив его кабинета. Филе-миньон.

Джойс пыталась вспомнить, когда в последний раз ела филе-миньон.

Он сделал ей предложение. Он хотел, чтобы она стала новым начальником службы безопасности.

– Ни за что и никогда, – ответила она.

Тогда он сказал ей, что администрация колледжа допустила роковую ошибку, наняв на эту должность Клайва Данкомба. Не удосужились провести более тщательную проверку. Были сбиты с толку тем фактом, что этот тип так долго проработал в бостонской полиции. Сочли, что человек с таким опытом является идеальным кандидатом.

– Словом, мы оказались не на высоте, – добавил президент.

Отказ Данкомба задействовать в поисках на территории кампуса маньяка в капюшоне полицию Промис-Фоллз обернулся для администрации колледжа нешуточными неприят-

ностями. Родители Мэйсона Хелта, юноши, которого застрелил Данкомб, выдвинули многомиллионный иск против этого учебного заведения. Если бы этим делом занялась тогда полиция, вряд ли Данкомбу разрешили провести эту свою операцию.

Джойс не стала упоминать о том, что и сама подумывала подать судебный иск против колледжа за то, что проделал с ней ныне покойный шеф безопасности.

– Голова у вас ясная, – продолжил меж тем президент. – Вы умны, ответственны, и еще думаю, это назначение станет сильным посылом и докажет, что такой человек, как вы...

– То есть женщина, – вставила Джойс Пилгрим.

– Что подобные вам вполне могут занимать ответственную должность.

Джойс подцепила вилкой кусочек филе-миньона.

– Сколько? – спросила она.

Они договорились о зарплате, и она согласилась.

В субботу утром, с учетом того, что эта суббота должна была стать началом долгого уик-энда и колледж опустел до сентября – там осталось всего лишь несколько дюжин студентов на летних курсах, – никто не предполагал, что начальника службы безопасности можно будет застать на рабочем месте.

Но Джойс лишь недавно заняла эту должность и пыталась освоиться на новом месте. Она решила ознакомиться с каждым аспектом работы колледжа. Познакомиться со штатны-

ми сотрудниками, по крайней мере с теми, кто окажется на месте. Ей хотелось кардинально перестроить сам подход к системе безопасности до того, как студенты вернутся на учебу осенью.

Плюс к тому ей надо было проверить электронную почту и ответить на ряд звонков. Она только принялась за работу, сидела за столом у компьютера, и тут зазвонил телефон.

– Служба безопасности, – ответила Джойс.

– Анжела Ферраза. Полиция Промис-Фоллз. – А ваше имя?

– Джойс Пилгрим.

– Вот что, мисс Пилгрим, есть основания полагать, что водопроводная вода в Промис-Фоллз отравлена или загрязнена, и это создает угрозу для здоровья населения. Вы должны предупредить всех, кого только возможно, чтобы не пили эту воду.

– Но как такое могло случиться?

– Нет времени объяснять. Все детали опубликованы на нашем сайте, можете сами проверить. Простите, но мне надо сделать еще миллион звонков.

И Ферраза отключилась.

Джойс, не выпуская телефона из рук, нашла номер лазарета при колледже. Она сомневалась, что в этот день там кого-то можно застать, но ей ответили после третьего гудка.

– Алло? – прозвучал в телефоне женский голос.

– Это Джойс Пилгрим из службы безопасности. С кем го-

ворю?

– Это Мэйвис. Здравствуйте, Джойс.

– Привет, Мэйвис. Вот уж не ожидала, что застану вас на рабочем месте.

– Кроме меня, тут никого. Но кто-то должен дежурить, раз ребяташки остались в кампусе. Ничего, я не скучаю, есть что почитать.

– Никто из студентов с утра не заходил? Не жаловался на самочувствие?

– Нет. А что такое?

– Нам сообщили, что в системе городского водоснабжения произошли какие-то неполадки. И водопроводную воду пить нельзя ни в коем случае. Иначе можно заболеть.

– Сомневаюсь, что это нам грозит, – сказала Мэйвис.

– Почему?

– Колледж не подключен к системе городского водоснабжения. У города свои резервуары, вот уже много лет. А к нам поступает вода из источников, питающих пруд в Теккерее.

– И все равно, в случае... как они это называют, водоносный слой? На тот случай, если этот наш слой вдруг смешается с зараженным, держите ухо востро, ладно?

– Поняла.

– Я рассылаю всем подряд электронные письма с предупреждением и ссылкой на сайт полиции. – В колледже у всех сотрудников и студентов имелись электронные почтовые адреса и номера телефонов, так что информацию можно было

распространить быстро.

Про себя Джойс отметила, что не знала прежде о том, что водоснабжение колледжа не зависит от общей городской системы. Интересно, что именно происходит на насосной станции в самой северной части колледжа?

А ведь надлежало бы знать.

Поговорив с Мэйвис, она принялась рассылать электронные письма, но прежде позвонила мужу. Тэд был дома, и она сказала ему, чтобы не смел пить воду из-под крана. Жили они в загородном доме, и вода поступала из личного их колодца. Но что, если источником водоснабжения этого колодца является все та же городская система водоснабжения?

Береженого бог бережет.

Телефон ее не переставал мигать все то время, что она здесь сидела, и Джойс решила, что теперь самое время проверить звонки.

Первые два поступили от желающих наняться к ней на работу. Джойс записала их имена и номера телефонов. После смерти Клайва и ее назначения осталась вакансия в службе безопасности, и она хотела провести собеседования с претендентами на следующей неделе. Она могла бы нанять даже двух человек, а не одного, если бы в существующем нынче штате инспектор Клузо⁵ хоть немного походил на Шерлока

⁵ Инспектор Клузо – Жак Клузо, вымышленный персонаж, старший инспектор французской полиции, главный герой серии комедийных фильмов о «розовой пантере» – огромном бриллианте.

Холмса.

Третий звонок поступил накануне вечером, вскоре после десяти. И начинался следующим образом:

– О, привет. Это Лестер Пламмер из Кливленда. Наша дочь Лорейн посещает колледж Теккерера и решила остаться на лето, пройти пару курсов, и...

Тут голос дрогнул. Он откашлялся и продолжил:

– Лорейн посещает эти два курса и проживает в кампусе, и дело в том, что... Я бы попросил вас перезвонить мне сразу же, как только получите это сообщение. Пожалуйста, очень вас прошу. – Он продиктовал номер и повесил трубку.

Лорейн Пламмер. Джойс было хорошо знакомо это имя. Лорейн была одной из девушек, на которых совершил нападение Мэйсон Хелт. Джойс говорила с ней сразу же после инцидента, до того как возник Клайв со своими планами по поимке преступника. Конечно же, девушка очень испугалась, но не настолько, чтобы оставить колледж и уехать домой.

Возможно, что-то у нее изменилось.

Джойс набрала имя студентки в компьютере. Да, ее отец говорил правду, она действительно осталась в колледже на лето. И проживала в Олбани-Хаус, одном из старейших зданий общежития, которые во множестве были разбросаны по территории кампуса. И которое, подобно всем остальным, почти пустовало. И Джойс была готова побиться об заклад, что шумные студенческие вечеринки не мешают Лорейн спать или заниматься. Или же что она должна стоять в

очереди, чтобы иметь возможность помыться в общем душе.

Возможно, Лорейн так до конца и не удалось оправиться от шока, вызванного тем нападением. Может, она просто боится жить в почти опустевшем помещении. А может, родители хотят перевести ее в другой колледж. Или же готовят иск против колледжа, вот и позвонили Джойс, чтобы выведать у нее какие-то инкриминирующие подробности.

А что, если семейство Пламмер ищет возможность обвинить во всем ее? Хотя совершенно ясно, что то была вина ее ныне покойного предшественника.

Есть только один способ выяснить это.

Джойс позвонила по указанному номеру. Ответили тотчас же, после первого гудка.

– Алло? – женский голос.

– Это Джойс Пилгрим, начальник службы безопасности колледжа Теккерей. Вчера вечером мне оставил сообщение некий Лестер Пламмер, верно?

– Да, это мой муж Лестер! Звонят из колледжа! – Через несколько секунд Лестер снял трубку.

– Слушаю, – сказал он. – С кем имею честь?

Джойс назвала свое имя и должность и спросила:

– Чем могу вам помочь?

– Мы никак не можем связаться с Лорейн, – ответил мужчина. – Она...

Тут трубку перехватила жена.

– Это Альма. Я мама Лорейн. Обычно мы говорим с до-

черью как минимум раз в неделю. Мы звонили ей в четверг вечером, но она не ответила. И тогда мы оставили сообщение ей на мобильный, но и вчера она нам не перезвонила, так что...

Снова муж:

– Да, она не перезвонила, и это совершенно на нее не похоже. Но мы подумали, может, она просто оставила мобильник в комнате, а сама... Ну или же...

Или же у нее завелся парень, подумала Джойс.

– Но вчера вечером мы снова пытались, – сказала Альма, – но так и не дозвонились. А все ее друзья по колледжу наверняка разъехались, так что некого даже попросить сходить к ней и...

– Почему бы мне не заскочить и не сказать ей, что вы беспокоитесь? – предложила Джойс.

– О, нет! – воскликнула мать. – То есть, я хотела сказать, да, проверить не мешало бы, но только, пожалуйста, не говорите ей, что это мы вас попросили.

– Она у нас такая стеснительная, – добавил Лестер Пламмер.

– Но вы сможете перезвонить нам после того, как с ней повидаетесь? Очень вас прошу.

– Конечно, – ответила Джойс. – Сразу же свяжусь с вами.

Она отключилась и решила, что можно сходить в Олбани-Хаус прямо сейчас. Вышла из здания администрации и услышала где-то в отдалении, судя по всему, в центре горо-

да, вой сирен.

Своеобразное все же это место, колледж Теккерей. Вроде бы находится на территории Промис-Фоллз, но живет своей собственной отдельной жизнью. И сам представляет собой маленький городок со своим президентом, членами совета, своими правилами и законами.

Даже, как выяснилось, с собственной системой водоснабжения. Что, как поняла Джойс после недолгого разговора с Анжелой Ферраза, представляет собой сейчас значительное преимущество.

Садиться в машину, чтобы добраться до Олбани-Хаус, Джойс не стала. До этого здания всего пять минут ходьбы. Она вошла в холл и направилась к лестнице. Джойс до сих пор была уверена, что причиной, по которой родители Лорейн никак не могут связаться с дочерью, является парень, с которым у девушки роман. Когда говорят, что уезжают в университет за получением образования, романы и любовные интрижки подразумеваются сами собой. Потому как молодые люди впервые окунаются в самостоятельную жизнь, и родители за ними не следят и не подглядывают.

Когда ты в колледже, все благополучно ложатся спать, не дожидаясь тебя.

Стоило ей подняться на второй этаж, как в нос сразу же ударил...

Запах.

– Господи! – пробормотала Джойс.

Чем дальше она продвигалась по коридору, тем сильнее он становился, а когда она приблизилась к двери в комнату Лорейн, стал уже настолько невыносимым, что ей пришлось прикрыть краем жакета нижнюю часть лица.

Она постучала в дверь.

– Лорейн? Лорейн Пламмер? Это служба безопасности! Джойс Пилгрим. Мы говорили с вами недели две назад.

Ответа не последовало.

– Нет, нет, нет, – прошептала себе под нос Джойс и полезла в карман за ключами, позволяющими открыть любую дверь в кампусе.

Она опустила глаза, приготовилась вставить ключ в замочную скважину, и вдруг увидела, что из-под двери выползает лужа чего-то темного, какой-то густой жижи, похожей на нефть.

Джойс повернула ключ и распахнула дверь.

Она собрала в кулак всю свою волю, чтобы сдержать крик. Напомнила себе, что кричать шефу отдела безопасности не подобает.

Не надо было сюда возвращаться. Не надо было мне сюда возвращаться.

ВОСЕМЬ

Дэвид резко затормозил у дома Пикенсов, оставив на асфальте черную полосу от резиновых шин. Вышел из маши-

ны и подбежал к входной двери, даже не озаботившись постучать или позвонить.

– Марла! – закричал он.

– Дэвид! – откликнулась она. Он пошел на ее голос, который доносился из кухни, вошел туда, но не сразу ее увидел. Мэтью сидел у стола, привязанный к своему высокому стульчику, крутился и вертелся на нем, словно пытался понять, что происходит.

Дэвид обошел стол, разделочные столики и колонки со встроенными в них плитой и прочими принадлежностями, загораживающими вид, и тут увидел Джилла Пикенса и Марлу, которая склонилась над ним. Джил лежал на боку, глаза у него были закрыты, рядом с головой – небольшая лужица рвоты.

– Дай я осмотрю его, – сказал Дэвид и оттеснил Марту. Он не стал переворачивать Джилла из риска, что тот может захлебнуться, наклонился и прижался ухом к его спине.

– Что это ты делаешь? – спросила Марла.

– Т-с-с!

И сам затаил дыхание, прислушиваясь.

Потом поднялся.

– Он не умер. Слабое сердцебиение еще прослушивается.

Надо доставить его в больницу.

– Я три раза звонила в «скорую», – сказала Марла.

– Джил! – окликнул Дэвид. – Ты меня слышишь? Надо вывезти тебя отсюда.

Джил издал еле слышный стон. Дэвид вовсе не был уверен, что даже с помощью Марлы сможет дотащить дядю до своей машины. Он взглянул на раздвижные двери, что открывались с кухни в выложенное камнем патио. Туда он Джилу точно дотащит.

– У него что, сердечный приступ? Но ведь он в хорошей физической форме. Он тренируется.

– Возможно, все дело в воде, – произнес Дэвид.

– Что?

– Разве не слышала, что я сказал тебе по телефону? Вода может быть отравлена.

Ее глаза, покрасневшие от плача, вдруг резко расширились от страха. Она покосилась на Мэтью, сидевшего на высоком стульчике.

– О господи! О, боже ты мой! – она прижала ладонь ко рту. – Я дала ему бутылочку. И разводила смесь водой из-под крана!

Но у Мэтью пока что никаких симптомов не наблюдалось. Он не плакал и его не тошнило.

Лучше уж перестраховаться и тоже отвезти малыша в больницу, подумал Дэвид.

– Сейчас вернусь, – сказал он Марле. – Отопри эти двери.

Он выбежал из дома на улицу, сел за руль автомобиля. Въехал на дорожку, потом свернул на газон и проехал на машине между домом Пикенсов и соседским, нещадно при-
миная стебельки травы и оставляя темные проплешины во

влажной почве.

Заехав в тыл дома, он резко свернул влево, и через несколько секунд автомобиль оказался в патио.

Марла уже открыла раздвижные двери и держала Мэтью на руках. Дэвид выскочил из машины, открыл заднюю дверь, вбежал в кухню и наклонился к Джилу. Обхватил его обеими руками, медленно приподнял и притянул к себе. Дядя всем телом навалился на Дэвида, и тогда тот поволок его из кухни во дворик. Навалился спиной на капот машины, затем вместе с Джиллом переместился на заднее сиденье. Потом открыл дверцу с другой стороны и выбрался из машины.

– Давай залезай, – сказал Дэвид Марле. Та вышла из дома, не озаботившись закрыть за собой двери, и села в машину на переднее сиденье, крепко прижимая к себе малыша, нежно поглаживая ее головку, упершуюся ей в плечо.

– Что с ним теперь будет? – спросила она Дэвида, пока тот, проезжая между домами, выводил машину на улицу.

Дэвид на нее не посмотрел, но был уверен, что говорит она о младенце, а не о своем отце.

– Когда ты давала ему бутылочку? – спросил он.

– Ну, примерно час назад.

– Похоже, он в полном порядке.

– Я... я не знаю. Хотя да, вроде бы с ним пока все хорошо.

Впрочем, Дэвид так до конца и не был уверен, что всему виной отравленная вода. Но, допустим, это так. Но он понятия не имел, сколько должно пройти времени перед тем, как

проявятся симптомы у человека, выпившего эту воду. Ведь вроде бы всех пострадавших сегодня рвало с самого утра.

– А когда ты приготовила эту смесь? – спросил Дэвид и покосился на заднее сиденье, посмотреть, как там Джил. У него возникло мрачное предчувствие: даже если он довезет Джилу до больницы живым, вряд ли врачи сразу окажут ему помощь. Но, с другой стороны, куда еще его везти? Он понимал, что сегодня в больницу наверняка вызовут весь штат сотрудников, у которых выходные или отпуск, что, когда они доберутся до городской больницы Промис-Фоллз, медперсонал получит серьезное подкрепление.

– Сделала что? – спросила Марла. – Ты мне не веришь, что ли? Считаешь, что отец не болен, что с ним все в порядке?

Марла уже привыкла к тому, что люди часто переспрашивают ее об одном и том же, словно сомневаются в ее честности и здравом уме, а потому просто не расслышала вопроса, мысли ее были заняты другим.

– Когда ты приготовила эту бутылочку со смесью? – повторил свой вопрос Дэвид и покосился на нее.

– О, – протянула она и переместила головку малыша на другое плечо. – Это было... вчера. Да точно. Днем? Вроде бы днем. Я тогда приготовила с полдюжины таких бутылочек со смесью.

– Не сегодня?

Она отрицательно помотала головой.

– Не сегодня утром? – не отставал от нее Дэвид.

– Нет! Точно тебе говорю, вчера!

– Ладно, – сказал он. – А как ты сама? Пила утром воду из-под крана?

Марла снова призадумалась.

– Да я даже зубы не успела почистить. – Она повернулась, взглянула на отца на заднем сиденье. – Пап? Ты меня слышишь? Я люблю тебя, папочка!

– Хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала, – сказал Дэвид и протянул Марле свой мобильник. – Обзвони этих людей.

Она взяла телефон, взглянула на экран. И кивнула:

– Хорошо.

– Видишь телефон с именем Сэм? Набери этот номер.

– А кто это?

– Не важно. Давай набирай. Кто бы ни ответил, предупреди, чтоб не пили водопроводную воду. Может подойти женщина. Или мальчик.

Марла набрала номер, прижала телефон к уху.

– Звонит и звонит, – проговорила она.

Дэвид так крепко вцепился в руль, что даже костяшки пальцев побелели.

– Все еще звонит, – сказала она. – Гудков восемь уже было.

– А ты тот номер набрала?

– Да. Сэм. Тот самый. Уже десять гудков. Кто этот парень?

– Это не парень, – ответил он. Снял одну руку с руля, кос-

нулся затылка, пригладил волосы, словно это помогало снять напряжение. Потом снова опустил руку на руль.

– Двенадцать гудков. Погоди. Может, стоит отправить сообщение?

– Ладно, не важно, – ответил Дэвид. Он уже отправил ей эсэмэску. И сейчас не видел никакого смысла в том, чтоб отправлять еще одну. Сэм всего-то и надо было заглянуть в свой телефон и увидеть, что она пропустила от него несколько звонков. – Можешь больше туда не звонить.

Марла отключилась и уже собиралась отдать телефон Дэвиду, как вдруг он зазвонил у нее в руке. Она испугалась, даже вздрогнула от неожиданности и тихонько вскрикнула.

– Это Сэм? – спросил Дэвид.

– Нет, не думаю. Алло?.. Нет, нет, вы набрали правильный номер. Да, это телефон Дэвида. Он за рулем, ведет машину. А это Марла. Кто-то хочет с тобой поговорить, – сказала она Дэвиду.

– Кто именно?

Марла спросила:

– А кто это говорит? Рэнди? Какой Рэнди?

– Нет, – сердито буркнул Дэвид.

– Он сейчас не может с вами говорить, – сказала Марла. – Мы едем в больницу. Мой отец, он... – Тут Марла умолкла на несколько секунд, слушала, что ей говорят, затем протянула мобильник Дэвиду. – Он говорит, что это очень важно.

– Господи, – прошипел Дэвид, хватая мобильник. – С

этим можно было и подождать, Рэнди.

– Послушай! Это важно! Городская вода может быть...

– Да знаю я!

– ...отравлена! А ты, Дэвид, делай то, что должен. Помоги отцу этой женщины.

– Это мой дядя, – сказал Дэвид.

– Бог мой, мне страшно жаль, – сказал Рэнди Финли. – Как он?

Дэвид покосился в зеркало заднего вида.

– Не очень.

– Чем я могу помочь?

Тут впервые за все время Дэвиду показалось, что его на-
ниматель говорит вполне искренне. Хотя... притворяться
этот Рэнди был великий мастер, и вполне может быть, что
он плевать на все хотел.

– Ничем, – ответил Дэвид.

– Но я хочу помочь! И не только тебе, всем. И это в моей
власти, хоть что-то изменить. Принести людям пользу.

– Ну и что ты...

– Я обзваниваю всех подряд, срываю сотрудников на ра-
боту. Мы увеличиваем производство. Собираемся выпускать
тысячи бутылок воды в день. И будем распространять их в
центре города. Ну и еще в парке, рядом с водопадами. Раз
уж разразился кризис, мы просто обязаны...

– Нажиться на нем, – вставил Дэвид.

– Нет! – Неужели в его голосе прозвучала самая искрен-

няя обида? – Просто хочу поступить правильно, принести людям пользу. Клянусь! Ладно, езжай. Спасай своего дядю и обязательно перезвони мне позже. А я тем временем собираюсь...

Дэвид не дослушал его, отключился. Но не убрал телефон, а снова протянул его Марле.

– Найди мой домашний номер. Позвони и передай трубку мне.

Марла повиновалась.

Дэвид прислушался к гудкам. Мама ответила после третьего.

– Мам, – сказал Дэвид. – Хочу, чтобы ты поехала в городскую больницу Промис-Фоллз.

– Но я прекрасно себя чувствую, – сказала Арлин. – Воды из-под крана не пила, а кофе, который приготовил отец, вылила в раковину.

– Все это очень хорошо, просто прекрасно, но не в том дело. Мне может понадобиться твоя помощь. А папа пусть останется дома. И когда проснется Итан, пусть скажет ему, что водопроводную воду пить нельзя. И ванну принимать тоже. Пусть отговорит его от этого.

– Ладно, поняла. Я уже выезжаю.

– Что за помощь? – спросила Марла, когда Дэвид отложил мобильник в сторону.

– Да там творится настоящее безумие, – ответил он. – Надо будет отвечать на вопросы, заполнять какие-то там блан-

ки. А ты не сможешь, потому как на руках у тебя Мэтью. А она поможет.

Он утаил от нее главную причину: если Джил еще не умер на заднем сиденье его машины, то, скорее всего, умрет, когда они наконец доберутся до больницы, и тогда мать Дэвида поможет ему хоть как-то утешить Марлу. Та наверняка потеряет голову от этого несчастья. И если не помочь ей успокоиться и собраться, то она не сможет ухаживать за Мэтью.

И Арлин в этом деле лучший помощник.

И потом Дэвиду вовсе не хотелось застревать в больнице надолго. Он должен как можно скорее добраться до дома Саманты Уортингтон.

И узнать, живы ли любимая его женщина и ее сын Карл или уже умерли.

ДЕВЯТЬ

Дакворт

Уже в машине, по пути к городской насосной и водоочистительной станции, я снова позвонил домой. Никто не отвечал. Но ведь я сам просил Морин стучаться в соседские двери и предупреждать всех о возможном отравлении водопроводной воды, так что вполне возможно, что она просто

вышла исполнять мою просьбу.

Готов побиться об заклад – при этом она наверняка захватила с собой мобильник. Я попробовал набрать этот номер, и Морин ответила после третьего гудка.

– Тревора застала? – спросил я.

– Да, – слегка запыхавшись, ответила она. – Я его разбудила. А потом он отзвонил мне несколько минут назад и сказал, что его срочно вызвали на работу.

– Что? Это Финли ему звонил?

– Не знаю, сам ли Финли, но сегодня у него выходной. А он собирается выйти на работу. Просто должен.

Я быстро сообразил, что к чему. Если водопроводная вода никуда не годится и пить ее просто опасно для жизни, тогда возникает повышенный спрос на бутилированную воду, которую берут и разливают на производстве Финли из родниковых источников. И этот сукин сын собирается сколотить на кризисе небольшое состояние. Интересно, насколько он при этом взвинтит цены. Да этот мерзавец наверняка будет драть три шкуры, потому как с полок всех местных магазинов уже смели все сорта и виды бутилированной воды.

Иными словами, Рэнди бессовестно эксплуатировал самую большую трагедию в городе, случившуюся за все время его существования, и это бесило меня, но то было не моей проблемой. Я не сомневался, что стремление ободрать всех жителей Промис-Фоллз как липку позже обернется против него и что, скорее всего, его шансы снова стать мэром этого

города теперь практически равны нулю.

Морин спросила:

– Ты слушаешь?

– Да. Просто задумался. Ну, какая там обстановка на улицах?

– Знаешь, я представила себя почтальоном, который ежедневно развозит газеты. Кажется, застигла Стэна и Глорию в самом разгаре... ну, сам понимаешь, чего. А бедная старая Эстель, наверное, вообразила, что ночная рубашка у нее достаточно длинная, чтоб скрыть все ее прелести, но она ошибалась. – Она умолкла, затем торопливо добавила: – А в двух домах мне никто не открыл и не ответил.

Я знал, о чем она думает.

– Может, уехали куда-нибудь.

– Ну, будем надеяться, – отозвалась Морин. – А ты знаешь старика, который живет один в самом конце улицы, в угловом доме?

– В каком конце?

– В южном. Дом с красными ставнями. А в гараже у него стоит старенький «Порше». Вроде бы он был дантистом, и жена у него умерла несколько лет назад, да?

Я знал этот дом.

– Да.

– Так вот, там тоже никто не ответил.

– Просто обойди все дома, какие только сможешь, а потом возвращайся, – сказал ей я. – И окажи мне еще одну услугу.

– Валяй, выкладывай.

– Найди Аманду Кройдон. Скорее всего, в городе ее нет.

Но она должна быть здесь. Может, кто-то еще пытается ее разыскать, но вокруг столько всего происходит, что я не могу ею заниматься. Если найдешь ее, попроси сразу же мне позвонить.

– Поняла. Что-то еще?

– Нет, пока все. Если услышишь что-нибудь новенькое, звони.

Не успел я убрать телефон, как он зазвонил снова.

– Да?

– Оттман уже здесь, – сообщил Рэндел Финли. – На заводе. И ждет нас.

– Ты мне там совсем не нужен, – сказал я.

– Просто пытаюсь помочь тебе, Барри.

– Я точно знаю, кому ты помогаешь.

– Как прикажешь это понимать?

Я сунул мобильник в карман.

И вот впереди на горизонте замаячило массивное сооружение, напоминающее неопознанный летающий объект на ножках-ходулях. Это и была водонапорная башня Промис-Фоллз. А это означало, что я приближаюсь к заводу по очистке водопроводной воды – длинному двухэтажному сооружению из бетонных блоков. Оно располагалось в тени водонапорной башни и было затенено неровным строем деревьев – создавалось впечатление, что городская администра-

ция не пожелала потратить ни единого лишнего цента, чтоб придать этому зданию сколько-нибудь благообразный вид.

Прямо за зданием находился резервуар с водой, поступающей из самых разных источников. Эта вода обрабатывалась на заводе до тех пор, пока в ней не оставалось *E.coli* и других бактерий и загрязнений, затем закачивалась в водонапорную башню. И уже оттуда под действием силы тяжести она поступала по трубам в разветвленную водопроводную сеть и распространялась по всему Промис-Фоллз.

Я въехал на стоянку и припарковался перед главным входом, где уже стояли три машины. Белый пикап «Форд», синий «Шевви Брейзер» и изрядно проржавевшая желтенькая «Пинто» – полный отстой, а не машина, даже в семидесятые, когда она была совсем новенькой. Мне и в голову не приходило, что сейчас такую можно встретить на наших дорогах.

Я вылезал из-за руля, как вдруг услышал, что на стоянку въехал еще один автомобиль. «Линкольн» Финли.

Я не стал его дожидаться, направился напрямиком в здание. В приемной не было ни души, и я продолжал идти по коридору до тех пор, пока не увидел на двери табличку: «Только для высших должностных лиц». Рядом с доской, на которой красовались какие-то циферблаты и предупреждения, стоял небритый мужчина во фланелевой рубашке в черно-красную клеточку. Я бы дал ему лет сорок. Увидев меня, он спросил:

– Кто вы такой?

Я показал ему удостоверение.

– А вы Оттман?

Он кивнул.

– Что, черт возьми происходит?

– Вот и я тоже пытаюсь это выяснить, – ответил он.

И указал пальцем на обширное пространство, заполненное огромными трубами, емкостями и проводами, предназначенное которым было мне неясно. Там же находилась женщина в джинсах и темном свитере, на голове шлем-каска, в руках какой-то прибор, напомилавший по внешнему виду медицинский трикодер⁶ доктора Спока.

– Вот, попросил Триш проверить прямо сейчас. Она вышла на дежурство часа два тому назад.

– Проверить, есть ли в воде нечто болезнетворное?

Оттман поморщился:

– Да, ваша догадка верна.

– Гарви!

Оба мы обернулись. Рэнди протянул мясистую ладонь и пожал Оттману руку.

– О, мистер Финли. Рад вас видеть.

– Называйте меня просто Рэнди, – сказал он ему и похлопал по плечу, словно встретил старого друга, с которым давно не виделся. – Ну, что за чертовщина тут у вас происходит?

– Я как раз говорил детективу, что мы еще не разобрались. Надо провести тесты воды, проверить записи и показания, посмотреть, все ли правильно было сделано на разных этапах

⁶ Трикодер – сенсор с анализирующим устройством.

обработки. Вообще мы проверяем воду каждые двенадцать часов. А стало быть, в последний раз должны были проверить вчера ночью, ровно в полночь.

Не успел я и рта раскрыть, как встрял Рэнди:

– И это было сделано?

Оттману, судя по всему, не слишком хотелось отвечать на этот вопрос.

– Не знаю, – пробормотал он.

– Что вы имеете в виду? – спросил я. – Вы ведь ведете учетные записи?

– Да, конечно. Но только вчерашний парень этого не сделал.

– Кто такой? Как звать?

– Тейт.

– Тейт Уайтхед? – уточнил Финли.

Оттман кивнул.

– Господи, – протянул Финли. – Да у этого типа ай-кью не выше, чем у зажимной гайки. Как вы могли допустить его к работе с питьевой водой?

Оттман нахмурился.

– Просто ставлю его дежурить в ночные смены, потому как ответственность минимальная. Он делает пару тестов, проверяет, нормально ли работает все это хозяйство, и, если вдруг возникает проблема, сообщает мне или кому-то еще, и тогда мы присылаем сюда сотрудников, чтоб разобрались что к чему и все исправили.

– Почему этот Уайтхед не провел тесты в полночь? – заинтересовался я.

– Понятия не имею, – ответил Оттман.

– Но вы его спрашивали?

Он отрицательно покачал головой:

– Я не знаю, где он находится. Этот тупой ублюдок сорвался с работы раньше положенного. Его должна была сменить Триш, но, когда она появилась здесь в шесть утра, его не застала.

– И часто он так поступал? – спросил Финли. – Сматывался раньше срока?

Оттман был не на шутку расстроен:

– Да, случалось. Но вчера он отметился о приходе в девять вечера. И был здесь.

– Итак, судя по вашим же словам, – заметил я, – почти сразу после этого он и ушел. Возможно, он вовсе и не проводил эти тесты, уже не говоря о записи результатов. Так что если в воду поступили некие вредные вещества, это не засекли вовремя.

– Чисто теоретически, – сказал Оттман.

Финли удрученно качал головой:

– Только не говори мне, Гарв, что Тейт все еще выпивает.

– Я думал, он завязал, – ответил управляющий. И отер рот тыльной стороной ладони. – О бог мой, это просто ужасно! И если всему виной этот тупой ублюдок, клянусь, придушу его собственными руками!

– Да тут уже целая очередь выстроилась из желающих прикончить его, – заметил я. Я был просто потрясен тем фактом, что жизнь тысяч людей может зависеть от какого-то недоумка и пьяницы. – Ладно, допустим, Тейт чего-то там не заметил. Что бы это могло быть?

– Первым делом я бы проверил состояние воды в резервуаре, – ответил Оттман. – Может, разлив горючих материалов, или же в него попали стоки, поступили жидкие отходы фермерского производства, к примеру, произошла утечка со свинофермы, ну, нечто в этом роде. Но я уже провел срочный тест воды в резервуаре и ничего опасного в ней не обнаружил. Не могу сказать, что вода в нем само совершенство. Вода в резервуаре никогда такой не бывает, иначе мы бы не обрабатывали ее перед поступлением в водонапорную башню.

– Мне нужен адрес этого Тейта Уайтхеда, – сказал я.

– Конечно, у меня в офисе есть, – отозвался Оттман. – Но дело в том, что его «Пинто» так и остался на стоянке.

Я развернулся и направился к выходу, хотел проверить эту жуткую ржавую желтую машину, которую заметил сразу по приезде. Просто хотел убедиться, что Тейт не забрался в нее ночью и сейчас не спит преспокойненько в этой своей развалюхе.

Я приложил ладонь ко лбу и всмотрелся через боковое стекло. Интерьер мало чем отличался от вида снаружи. И не цветом, в обивке сидений было столько дырок, что через них

уже вылезали пружины и набивка. И еще мне удалось разглядеть кое-что, и мне это страшно не понравилось. Я дернул ручку передней дверцы и ничуть не удивился, что она оказалась незапертой. Дверца распахнулась с жалобным скрипом и криво повисла на петлях. На полу перед водительским сиденьем валялись несколько пустых бутылок от пива.

Подошел Оттман с листком бумаги.

– Вот. Адрес и номер телефона Тейта.

Я взял у него листок и указал на бутылки у сиденья.

– И такому типу вы доверяете следить за безопасностью всех мужчин, женщин и детей, проживающих в городе?

– Господи, – пробормотал он. – Я не знал. Честное слово, не знал.

– Вы ни разу не проходили мимо этой машины? Вы никогда этого не замечали? Никогда не улавливали от него запаха перегара?

– Да я просто... дело в том, что часы работы у меня с Тейтом не совпадают. Он приходил позже, уже после того, как я уезжал домой. А утром уезжал до того, как я приходил на работу.

– Когда вы видели его в последний раз?

Оттман не успел ответить. Подошел Финли и принялся осматривать беспорядок в желтой машине, неодобрительно прищелкивая языком.

– Очень плохо, Гарв. Хуже просто некуда. – Он покачал головой. – Когда я управлял этим городом, таких безобразий

не случилось.

Ах, вот он куда гнет, подумал я.

– А где, черт возьми, Аманда? – спросил Финли. – Город стал просто неуправляемым.

– А ведь это как нельзя лучше на тебя работает, верно? – спросил его я. – Как раз, наверное, и дожидался такой вот катастрофы, да?

– Бог мой, Барри, да как ты только можешь? – воскликнул он. – Всегда знал, ты обо мне невысокого мнения, но это ж надо, выдумать такое!

– Может, уже набрал достаточно материала для продвижения своей предвыборной кампании и перестанешь опираться на моего сына?

– Барри, послушай, перестань...

– К тому же нетрудно догадаться, насколько прибыльным оказалось для тебя это дело. Я прав? Обскакал всех, в том числе и Тревора с его людьми, пользуясь тем, что у них выходной. Нарращиваешь объемы производства? Ну и сколько будет стоить бутылочка воды, намного подскочит цена?

Гарви Оттман переводил взгляд с меня на Финли и обратно и, похоже, не понимал, о чем идет речь.

Лицо у Финли исказилось почти до полной неузнаваемости. Вот уж никогда не думал, что смогу так его обидеть. Он всегда казался мне неуязвимым для обид.

– Да что ты понимаешь, – беззлобно пробормотал он. – Да, я увеличиваю выпуск продукции. Как никогда прежде. И

через несколько часов мы начнем раздавать упаковки с водой жителям Промис-Фоллз. Заметь – совершенно бесплатно. А знаешь что, Барри? Мне тебя просто жаль. Ты такой циник! Это надо же, сразу заподозрить, что у твоего друга и собрата нет в душе ничего святого!

Я не знал, что ответить на это, но кое-какие соображения у меня имелись. Да, я составил неверное представление о его действиях, но вот в мотивах, думаю, не ошибался. Раздавать бесплатно питьевую воду в разгар такого несчастья – это значило получить дополнительные голоса избирателей, если, конечно, он не будет хвалиться этим на каждом углу.

– Ну вот, счет один-ноль, – заметил Финли. – И на этот раз не в пользу детектива Барри Дакворта. – Он обернулся к Гарви. – Окажи здесь посильную помощь нашему другу. И если найдете Тейта или возникнет какая проблема, дайте мне знать. – Затем он снова обратился ко мне: – Если хотите найти Тейта Уайтхеда, я бы советовал начать здесь, – и он указал в сторону лесополосы, которая отделяла завод от автомобильной трассы. – Может, дрыхнет где-то там, привалившись спиной к дереву.

Затем он кивнул нам, уселся в свой «Линкольн» и выехал со стоянки.

Гарви вопросительно взглянул за меня, затем кивком указал на строй деревьев.

– Очень даже неплохая идея, – заметил он.

И мы двинулись к лесу.

ДЕСЯТЬ

Уже на въезде в Промис-Фоллз Кэл сообразил: что-то здесь происходит.

Он увидел две «скорые», они мчались с разных концов города по направлению к больнице. А проезжая по одной из улиц, заметил двух полицейских в униформе, они бегали от дома к дому и стучали в двери.

В двух кварталах от дома Люси Брайтон пришлось сбросить скорость – он увидел, как по улице, мигая всеми своими огоньками, едет красная пожарная машина. Но к месту происшествия, как он понял спустя секунду, она не торопилась. Кэлу показалось, что пожарные объявляют что-то через громкоговоритель, и он опустил боковое стекло, прижался к обочине и слушал, пока красная машина проезжает мимо.

– Не пить водопроводную воду! – предупреждал через громкоговоритель человек, сидевший за рулем в кабине на переднем сиденье. В одной руке у пожарного был зажат микрофон. – Объявляю чрезвычайное положение! Не пить воду из-под крана!

Кэл включил радиоприемник, настроил его на волну новостной радиостанции Олбани.

– ...поступают сообщения о сотнях пострадавших сегодня утром в Промис-Фоллз. В городе введено чрезвычайное положение, жителей призывают не пользоваться водо-

проводной водой. Информации пока что немного, но люди уже выложили в социальные сети сообщения – следует подчеркнуть, что эта информация пока что нами еще не проверена, что налицо множество случаев заболевания с летальным исходом. Если вы проживаете в самом Промис-Фоллз или где-то поблизости, вам поступят предупреждения не пить воду из-под крана, хотя пока что нет никаких данных о том, что могло вызвать это загрязнение или заражение воды. Мы все утро будем отслеживать создавшуюся там ситуацию и при поступлении любых деталей и подробностей тут же сообщим вам.

Кэл достал мобильник и позвонил сестре, Селесте. Ответили сразу же после первого гудка, он услышал голос сестры:

– Кэл?

– Да, – сказал он. – О воде знаешь?

– Ага.

– Как ты и Дуэйн? В порядке?

– С нами все нормально. Мы пока что еще ничего не пили.

Дуэйн узнал от соседа. Как ты?

– Должен ехать, – ответил Кэл. – Перезвоню вам позже.

Добравшись до дома Брайтонов, он увидел, что на ступеньках у входной двери сидит одиннадцатилетняя Кристэл в розовой пижамке. На коленях дощечка для записей с листком бумаги, в руке карандаш. Она усердно что-то рисовала и подняла голову только тогда, когда Кэл подъехал и погудел. Но встать не стала.

Кэл быстро зашагал к двери.

– Что происходит, Кристэл? – спросил он.

– Ничего, – ответила девочка.

– «Скорая» была?

– Нет. Я звонила много раз, как ты велел, но никто не ответил. И не приехал.

– А где мама?

– Мама в ванной.

– Наверху?

Девочка кивнула и снова занялась своим рисунком. Кэл глянул на листок бумаги – она рисовала нечто, похожее на грозовые тучи.

Он вошел в дом и окликнул:

– Люси? – Никто не ответил, и он помчался на второй этаж, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Пробежал мимо гостевой спальни, где они с Люси совсем недавно провели ночь, и остановился у двери в ванную комнату.

Дверь была плотно закрыта. Интересно, кто же ее закрыл? Может, Люси, чтобы ее никто не беспокоил, или же Кристэл, не захотевшая видеть, что там происходит? Он повернул ручку, дверь приотворилась.

Люси Брайтон в пижаме и халате сидела на полу, руки безжизненно свисали, упираясь в плиточный пол ладонями вверх, голова свалилась набок, к левому плечу. Спиной она привалилась к ванне, ноги раскинуты перед унитазом.

Ванная пропиталась запахом рвоты и других жидких вы-

делений.

Кэл был уверен, что Люси умерла, но нужно было проверить, окончательно убедиться. Он обернулся, глянул в коридор, потом глубоко вздохнул, вошел в ванную комнату и опустился на колени рядом с телом. Приложил два пальца к шее, прямо под челюстью, пытаясь прощупать пульс. Пульса не было.

– Черт побери, – пробормотал он.

Он выпрямился, заглянул в унитаз, в котором не спустили воду, и с отвращением созерцал теперь содержимое желудка Люси. Затем перевел взгляд на полочку с предметами гигиены. Зубная щетка, тюбик пасты «Крест», выдавленный посередине, пустой стакан воды с несколькими последними каплями внутри. Кэл, пятясь, вышел из ванной и закрыл дверь. Затем привалился спиной к стене и стоял так секунд десять, пытаясь набрать как можно больше свежего воздуха в легкие.

Затем подумал о Кристэл. Если водопроводная вода смертельно опасна, успела ли она выпить хотя бы капельку? Но голос ее в телефоне звучал нормально, да и сейчас она вроде бы чувствует себя неплохо, по крайней мере в физическом смысле. Он решил переждать пару минут и обойти дом, посмотреть что к чему.

Главной его целью была, разумеется, кухня. Лампочка кофеварки еще светила, возможно, там осталось примерно с полчашки кофе. На столе стояла кружка, на дне осталось с

полдьюма кофе. На тарелке съеденный наполовину тост.

А на полу – рвота.

Кэл вышел из дома, присел на ступеньку рядом с Кристэл.

– Тебя не тошнит? – спросил он.

– Мне просто грустно.

– Понимаю. Но нет такого ощущения в животе, словно тебя вот-вот вырвет?

– Думаешь, я от мамы заразилась?

– Просто хочу убедиться, что с тобой все хорошо.

– Ясно. Руки немного чешутся.

– А ты сегодня пила или ела что-нибудь?

– Нет, ничего.

– Совсем ничего? Даже стакана воды не выпила?

– Нет.

Кэл немного расслабился, понял, что о здоровье девочки можно пока не беспокоиться.

– Расскажи, что же произошло, – попросил он.

Кристэл заштриховывала карандашом нижнюю часть облака. Не прекращая работы и не взглянув на Кэла, она ответила:

– Я услышала, что мама издает какие-то странные звуки, ну и встала с постели. Она была на кухне, сказала, что ей плохо и чтобы я возвращалась в постель. И я пошла наверх, но затем ей стало еще хуже, и я снова спустилась. И увидела, что она лежит на полу и ничего не говорит. Ну и тогда я набрала 911.

– Ясно. И что же дальше?

– Там никто не отвечал. Тогда я нашла мамин мобильник и позвонила тебе. Ну а потом ты и приехал.

– А что происходило все то время, что я ехал к вам?

– Мама очнулась и стала подниматься наверх. Я не отходила от нее ни на секунду, сказала, что ты уже едешь. Она пошла в ванную. Там ей снова стало плохо, ее рвало в унитаз. – Кристэл умолкла, карандаш застыл у нее в руке. – Ну а потом она вроде бы как присела возле ванны, и больше ее уже не рвало.

Кэл обнял девочку за плечи, крепко прижал к себе. Она не пыталась вырваться.

– Это ты закрыла дверь в ванную? – спросил ее он.

– Да, – тихо ответила девочка. – Ты ее видел?

– Видел.

– Она что, умерла? Совсем?..

– Да, – ответил Кэл. – Мне очень жаль.

Несколько секунд Кристэл молчала. Затем наконец посмотрела на Кэла и проговорила:

– Я не знаю, как оплачивать все эти счета.

– Что?

– Я не умею делать все эти вещи. По счетам всегда платила мама. Ну за электричество, мобильник, карту «Виза» и все такое. Я бы тоже, может, смогла, но не знаю, использовала ли она пароли.

– Об этом не беспокойся, – сказал он и еще крепче прижал

ее к себе.

– Если не оплатить счета, то я не смогу здесь жить. Правильно?

– Все утрясется, Кристэл. Папа тебе непременно поможет.

– Он далеко. Кажется, в Сан-Франциско.

– Мы вызовем его сюда, он тебе и поможет.

– Мама говорила, что найти его непросто.

– И все равно это можно сделать. У тебя есть какие-нибудь другие родственники? Ну, тети, дяди, бабушка с дедушкой?

Кэл почувствовал, как девочка качает головой:

– Никаких.

– Ну а с отцовской стороны? Может, его родители, мать и отец? Они живы?

– Не знаю, не думаю. Ни разу их не видела. – Тут Кристэл запнулась. – А знаешь, у меня идея.

Кэл закрыл глаза.

– Тебе обязательно возвращаться домой, к себе в квартиру после пожара? – спросила она.

– Нет.

– Тогда ты можешь жить здесь, разбираться со всеми этими счетами. И тогда мне совсем не обязательно уезжать из дома.

Кэл погладил ее по плечу:

– Давай решать все проблемы по мере их поступления, ладно?

– Ладно, – ответила она.

– А пока твой папа будет добираться сюда из Сан-Франциско, я о тебе позабочусь.

– Не хочу жить теперь в этом доме, – сказала она. – Даже внутрь заходить не хочется.

– Я тебя понимаю, заходить пока что не стоит.

– А что случилось с мамой? Ты ее заберешь?

– Нет. Приедут люди и заберут.

– А ты теперь спишь в машине?

– Что? Нет, конечно.

– А я думала, что после пожара ты спишь в машине.

– Нет, милая. Я живу в гостинице.

– А можно мне с тобой?

Кристалл должна остаться под чьим-то присмотром до тех пор, пока не приедет ее отец. Если вообще приедет. Но Кэл сомневался, что девчужке стоит жить с ним в отеле. Может, поселить ее у Селесты и Дуэйна? Этот ее муж та еще задница, но Селеста сумеет хорошо позаботиться о девочке, будет толерантно воспринимать все ее странности.

– Я постараюсь найти дом, где ты сможешь пожить. – Кэл сомневался, что Кристалл когда-нибудь переступит порог собственного дома.

– Во всем этом есть только один положительный момент, – заметила Кристалл.

– Это какой же?

– Маму уже никогда не посадят в тюрьму.

Сердце у Кэла екнуло:

– Что она опять натворила?

– Я слышала, как она говорила с кем-то по телефону. Что у нее могут быть неприятности. И я страшно испугалась, что ее отправят в тюрьму.

Адвокат, догадался Кэл. Наверняка Люси советовалась с кем-то – просто на тот случай, если он, Кэл, решит пойти в полицию и рассказать все, что знает.

Пожарная машина, из которой оглашали предупреждение, свернула за угол и медленно двинулась дальше по улице.

– Посидишь здесь, пока я с ними поговорю? – спросил девочку Кэл.

– Да. Порисую.

– Вот и славно.

– А когда вернешься, может, зайдешь в дом и принесешь мои вещи?

– Да, – ответил он. Наклонился, поцеловал ее в макушку и пошел поговорить с пожарным, который сидел за рулем.

ОДИННАДЦАТЬ

Обнаружив домовладелицу, Эмили Таунсенд, мертвой на заднем дворе дома, Виктор Руни уже дважды набирал 911. Но когда и во второй раз никто не ответил, он решил: какого черта? Все равно они ей уже ничем не помогут.

Он включил на кухне радио и стал слушать местные новости. Говорили исключительно о том, что произошло в Про-

мис-Фоллз.

– Да, вот дерьмо, похоже, мы серьезно влипли, – заметил он, ни к кому конкретно не обращаясь. Полез в холодильник, достал картонную упаковку апельсинового сока, отвинтил крышечку и стал пить прямо из картонки. Если бы это увидела мисс Таунсенд, она определенно бы выразила свое неудовольствие, но теперь ничто на свете уже не могло ее раздражать.

Прихватив с собой картонку с соком, Виктор вышел из дома и уселся в плетеное кресло на крыльце. Ну и суета стояла кругом этим субботним утром. Соседи помогали заболевшим членам семьи сесть в машины и на бешеной скорости выкатывали на улицу. Другие ходили от дома к дому и стучали в двери. Люди собирались группами, что-то взволнованно обсуждали.

Судя по тому, что Виктор слышал по радио, больница была у них главной темой. Он снова прошел в дом, оставил картонку с соком на маленьком столике у двери, там, где мисс Таунсенд обычно клала ключи, и поднялся к себе в комнату. Очень хотелось принять утренний душ. Но он даже думать себе об этом запретил – недопустимо, чтоб хоть капля зараженной воды попала при этом в рот. Виктор присел на краешек кровати, надел кроссовки и взял ключи от своего фургона.

Он припарковался в двух кварталах от больницы и дальше пошел пешком.

Перед тем как войти в отделение неотложной помощи, он успел убедиться, что ситуация даже хуже, чем он ожидал. Тут царил настоящий хаос. Парамедики, врачи и медсестры просто сбивались с ног. Пациентов выворачивало наизнанку. Люди теряли сознание и падали.

Он никогда не видел ничего подобного. И был готов побиться об заклад, что и Промис-Фоллз – тоже. Да и в Нью-Йорке сроду такого не наблюдалось.

Никогда.

– А ну, с дороги! – крикнул кто-то. Виктор Руни обернулся и увидел, что оказался на пути у двух врачей «скорой», которые катили носилки ко входу в отделение. К носилкам была привязана девочка-подросток, лежала, прижимая руки к животу. За носилками бежали женщина и мужчина – очевидно, родители девочки.

Женщина твердила:

– Все будет хорошо, Кэсси! Все будет хорошо, вот увидишь!

Виктор посторонился, давая им пройти, и эти носилки с больной влились в общий поток, что устремлялся к дверям больницы. Он двинулся за ними следом.

Вошел в приемное отделение и огляделся по сторонам. Здесь было от семидесяти до ста человек, и это только в зале приемной. А за шторками, в смотровых, наверняка тоже находились люди, и их было много.

И вот всего через несколько секунд он узрел знакомое ли-

цо.

Уолден Фишер, человек, который едва не стал его тестем.
– Святой боже! – пробормотал Виктор.

Уолден сидел в кресле, согнувшись пополам и упершись локтями в колени.

– Уолден, – тихо окликнул его Виктор.

Мужчина поднял глаза, увидел его, и у него даже рот открылся от удивления.

– Виктор... – пробормотал он, опустил руки на колени и, сделав над собой усилие, начал подниматься из кресла.

– Нет-нет, сиди, – сказал Виктор. Он бы сел рядом, но все места были заняты. Люди сидели и ждали, когда к ним выйдет доктор.

– Вау, – сказал Уолден и откинулся на спинку кресла. – Представляешь, стоит только попробовать встать, и вся комната начинает вращаться перед глазами. Головокружение просто жуткое. А с тобой что?

– Ничего, все нормально.

Уолден удивился.

– Тогда чего ты тут делаешь? – спросил он. – Привез кого-то, да?

Виктор покачал головой:

– Нет. Но умерла моя домовладелица. Нашел ее на заднем дворе. Ну и просто захотел прийти сюда и посмотреть, что происходит. – Он умолк, затем после паузы добавил: – По радио всякие там новости передают.

– Что говорят?

– Что вроде бы все дело в воде, – ответил Виктор.

– Господи! Так ты ее не пил?

Виктор покачал головой:

– Просто повезло. Ну а ты?

– Я... я выпил кофе. Сам себе приготовил. Никогда прежде этого не делал. Бэт всегда варила кофе, а тут я сам взялся. А потом меня затошнило, и с сердцем что-то не так. – Он оглядел помещение. – Ты только посмотри на этих людей. Некоторые совсем плохи.

– Может, ты просто недостаточно выпил, – заметил Виктор.

Уолден как-то странно на него покосился:

– Ты это о чем?

– Да ни о чем таком. Просто хотел сказать, что выпил ты меньше, а потому тебе не так плохо, как остальным. Что еще тут скажешь?

Уолден слабо отмахнулся:

– Да ничего, ничего.

– Чем я могу тебе помочь?

Уолден не без труда кивнул:

– Ступай, поищи врача, скажи, чтобы ко мне подошли. А то сижу здесь, точно я невидимка. Так и помереть недолго, пока они там обратят внимание.

– Ладно, – откликнулся Виктор. – Ты давай, держись.

Он обратился к трем медсестрам и двум докторам, кото-

рые занимались своими пациентами, и лишь на шестой раз ему повезло. Мимо пробежала какая-то женщина в халате, он ухватил ее за рукав.

– Вы сестра или врач? – поинтересовался он.

– Я доктор Морхаус, – сообщила женщина.

– Никто не подходит вон к тому человеку, – Виктор указал на Уолдена.

Морхаус вздохнула и направилась к креслу, где сидел Уолден, опустилась перед ним на колени.

– Сэр? Как вы себя чувствуете?

– Так себе, – ответил он. Она спросила его имя, и Уолден назвал его. Задала еще несколько вопросов. Как долго он здесь находится, что ел или пил утром, как чувствует себя сейчас, хуже или лучше, чем перед приходом в больницу.

Доктор послушала у него сердце, посветила тонким лучиком света в глаза.

– Оставить здесь вас мы не можем, – сказала она. – Да, вы больны, но у нас тут куда более тяжелые случаи. – Она кивком указала на Виктора. – Это ваш сын?

– Нет, – ответил Уолден.

– Я просто друг, – пояснил Виктор.

– За ним нужен уход, но наша больница переполнена. Предлагаю отвезти его в Олбани, пусть там еще раз посмотрят.

– В Олбани? – поинтересовался Уолден.

– Все тамошние больницы принимают сейчас пострадав-

ших, – сказала доктор Морхаус. – К тому же у них в Олбани и оборудование получше.

– Что ж, раз надо, отвезу, – произнес Виктор. – Ты как, согласен, Уолден? Сможешь продержаться до Олбани?

Уолден похлопал себя по груди, словно оценивая свою способность выдержать это путешествие.

– Думаю, да.

– Берегите себя, мистер Фишер, – посоветовала доктор и отошла к какому-то другому больному.

Виктор помог Уолдену Фишеру встать.

– Машина в паре кварталов отсюда. Дойти сможешь?

Уолден отпустил руку Виктора, проверил, может ли держать равновесие.

– Вроде бы да. – Но на выходе из приемного отделения «скорой» он все же взял молодого человека под руку.

На полпути к фургону Уолден попросил остановиться. Наклонился вперед, уперся руками в колени.

– Тебя чего, тошнит? – спросил Виктор.

– Просто как волна какая-то накатила, – ответил он, затем осторожно выпрямился. – Теперь вроде бы прошло.

Они дошли до фургона, Виктор распахнул дверцу перед Уолденом и помог ему сесть на переднее сиденье. Затем обежал машину и уселся за руль и сказал:

– Полная хренотень, скажу я тебе. Согласен?

Уолден промолчал.

– Прямо крышу срывает от всего этого, – добавил Виктор.

Уолден повернулся к нему.

– Крышу срывает? Это от чего?

– Да от всего этого дерьма, что творится вокруг. Срывает, ну в точности как тогда, три года тому назад.

Уолден не сводил с него глаз.

– Ну, ты понимаешь. Прошло три года с тех пор, как Оливия...

– Да знаю я, знаю, – произнес Уолден несколько окрепшим голосом. – Никогда об этом не забуду. Никогда.

– Ладно, что тут поделаешь, – Виктор повернул ключ в замке зажигания. Мотор ожил. Он выжал сцепление, надавил на педаль газа и перед тем, как выехать на улицу, посмотрел в зеркала. – И все равно не выходит из головы.

– Что не выходит?

– Да то, сколько их умерло или умрет сегодня. Людей, ни в чем не виноватых.

Уолден отвернулся, посмотрел в окно, покусал ноготь на правой руке.

– Все, забыли об Олбани, – сказал он. – Лучше отвези меня домой. Раз суждено умереть, значит, умру.

ДВЕНАДЦАТЬ

Дакворт

– И как долго проработал у вас этот Тейт Уайтхед? – спросил я у Гарви Оттмана, пока мы бродили по лесополосе, отделявшей завод по очистке воды от автомагистрали.

– Да он всегда тут работал, насколько я помню, – сообщил Оттман. – Лет двадцать пять, никак не меньше.

– И у него всегда были проблемы с алкоголем?

Гарви прочесывал кустарник слева и справа и, как мне показалось, притворялся, что не слышал моего вопроса. Если Уайтхед действительно не выполнил свои служебные обязанности по той причине, что был пьян, отчего погибли бог знает сколько жителей Промис-Фоллз, то Оттман прекрасно понимал, чем это может грозить ему лично.

– Я спросил, давно ли у Тейта начались проблемы с алкоголем?

– Все зависит от того, какой смысл вы вкладываете в понятие «проблемы», – уклончиво ответил он.

– Что ж, охотно объясню, чтоб вам стало понятнее, – сказал я. – Уайтхед приходил на работу пьяным?

– Я ведь уже говорил вам, наши смены не пересекались.

Я перестал брести по высокой траве, обернулся и вскинул руку:

– Кончайте валять дурака!

Оттман захлопал глазами:

– О чем это вы?

– Вы отвечаете за работу своего предприятия. И смеее говорить мне, что не следите за состоянием людей, которые там работают и с которыми вы якобы не встречаетесь? И что у вас нет никакого механизма, позволяющего отследить, нормально они работают или нет?

– Почему же нет? – обиженно воскликнул он. – Если бы у Тейта возникла ночью какая-то проблема, он бы оставил мне записку и попросил все проверить, вот таким образом.

– Хотите сказать, что Тейт отправил бы вам электронное письмо с сообщением, что был вчера слишком пьян, чтобы хлорировать воду, или еще черт знает что вы там с ней делаете, и что вы тогда, возможно, заглянули бы в компьютер?

– Нет, разумеется, нет, он бы ни за что в том не признался. Но если бы возникли проблемы чисто технического порядка, он бы непременно уведомил меня.

– Но откуда вам знать, как Тейт выполнял свои служебные обязанности под воздействием алкоголя? Ведь по ночам он работал там один. Так откуда вам знать?

– Его мог видеть парень, вместо которого он заступал на смену, ну или сотрудник, который сменял уже самого его утром. Ну, в данном случае Триш.

– А если бы я спросил Триш, был ли он пьян, когда она пришла сменить его, что бы она мне ответила?

Он замялся:

– Ну, пару раз она бы отметила этот факт.

– И вы бы знали об этом, потому как она непременно сообщила бы вам, верно?

Он снова замялся.

– Ну, могла, конечно, упомянуть об этом в какой-то момент.

– И когда это случилось, что вы предприняли?

– Послушайте, детектив... Дакворт, если я не ошибаюсь?

Я кивнул. Я радовался тому, что мы остановились ради этой дискуссии. Получил возможность хоть немного отдышаться после этого лазанья по кустам и через кучи мусора.

– Тейт Уайтхед пьет. Многие пьют. Думаю, раньше этот чертов придурок выходил и пил пиво, сидя в машине, вместо того чтобы заниматься своей работой. Но я никогда – богом клянусь вам, что говорю чистую правду, – не подозревал его в том, что он не выполняет свои обязанности. Думаете, Тейт единственный в городе человек, который выпивает, находясь на государственной службе? А что скажете о копах? Может, вы сроду не видели копа, который не выпивал бы, находясь на дежурстве, или не напивался бы вдрызг уже после своей смены, не приходил бы на работу на следующий день, страдая от похмелья?

Я промолчал. Тут он, разумеется, был прав.

– Если бы город увольнял всех и каждого, кто слишком много пьет, тогда бы просто некому было работать, – добавил он.

– Не забудьте сказать это своим адвокатам, – заметил я.

– Адвокатам?

Я окинул взглядом перелесок.

– Не думаю, что он затаился где-то здесь. И все же странно, что машина его до сих пор на месте.

– Может, он взял такси.

– Такси?..

– Если он вышел со смены пьяный, ему хватило ума не садиться за руль и ехать домой на машине.

Я допускал такую возможность, хотя по опыту знал, что столь разумное поведение не характерно для сильно пьяного человека. Впрочем, Оттман дал мне домашний адрес Тейта, поэтому вскоре я узнаю, что там произошло в действительности.

– Хочу спросить вас о Финли, – сказал я.

– О Рэнди? А что такое?

– Вы вроде бы друзья.

Гарви Оттман пожал плечами:

– Ну да, мы с ним знакомы.

– И еще он, кажется, знает о Тейте Уайтхеде. Знает, что у него проблемы с алкоголем.

– Позвольте рассказать вам кое-что о Рэнделе Финли, – заметил Оттман. – Многие считают его задницей и придур-

ком. Может, так оно и есть. Но в бытность свою мэром он никогда не выказывал пренебрежения к простым людям, работающим на город. И сюда к нам приходил довольно часто. И не только сюда. Да можете спросить людей из пожарной части, да хоть мусорщиков можете спросить. Он приходил ко всем этим людям, шутил с ними, говорил по душам. И сюда на завод часто заходил, говорил с людьми, интересовался их работой, организацией этой самой работы. Причем по-настоящему, безо всякого притворства. Так что, когда кое-кто называет Рэндела Финли тупицей или ничтожеством, могу поклясться, они просто не знают этого человека.

– Так вы говорите, он сюда частенько заходил? – спросил я.

– Когда был мэром, – подтвердил Оттман. – Ну и даже после этого, в свободное время, когда ему случалось проезжать мимо. Слышал, он снова будет баллотироваться.

Я кивнул.

– Так вот, свой голос я отдам ему. Сами только что убедились, хоть он сейчас и не мэр, но приехал сюда, хочет помочь. А где, позвольте спросить, Аманда Кройдон? Что-то ее здесь не было видно, я прав?

– Слышал, она сейчас не в городе, – ответил я, хотя у меня не было ни малейшего желания оправдывать ее. Она должна, просто обязана быстро притащить сюда свою ленивую толстую задницу. – Ладно, попробую наведаться к Тейту домой, посмотреть, там ли он. Ну а если вы его увидите, если он

вдруг появится, немедленно дайте мне знать. Позвоните.

Я протянул Оттману свою визитку. Он взглянул на нее, сунул в карман рубашки.

– Ладно, – кивнул он.

Я продирался сквозь строй деревьев и кустарник к стоянке, и тут у меня зазвонил телефон. Звонили из участка.

– Дакворт.

– Да, Барри. Говорит шеф.

Ронда. Общаясь со мной, она обычно называла себя по имени. Такое более формальное обращение могло означать одно из двух: или она почему-то мной недовольна, или же трагическая ситуация в городе требовала более официального тона.

– Привет, – поздоровался я.

– Ты где?

– На заводе по водоочистке. Ночью здесь дежурил один парень, судя по всему, нажрался, и теперь мы никак не можем его найти.

– Потрясающе, – недовольным тоном заметила она.

– И поэтому я собираюсь заскочить к нему домой, может, там найду.

– Тут у нас еще одна история.

Господи. Ну что еще могло случиться, черт побери? Половина города отравилась, к тому же меня пока что не отстранили от расследования взрыва на стоянке перед кинотеатром, который произошел несколько дней назад. Может, в

обводной канал рухнул грузовик, перевозящий радиоактивные отходы?

– А что случилось, шеф?

– У нас убийство.

– Да у нас тут кругом одни только убийства, – сказал я. – Люди погибают сотнями.

– Я не об отравлениях говорю. Убийство в колледже Теккеря. А они там не подключены к системе городского водоснабжения.

– В Теккерее? Но разве все они там не разъехались на каникулы?

– Остались летние студенты.

– Бог ты мой. Пошлите туда Карлсона.

– Я пыталась. Не могу ему дозвониться.

Наверняка Карлсон все еще торчит в больнице, в отделении «неотложки», а там мобильная связь не работает.

Я вздохнул.

– Что ж, попробую добраться туда как можно быстрее. Что известно на данный момент?

– Не много, – ответила Ронда Финдерман. – Убита молодая женщина, и там случилось что-то ужасное.

ТРИНАДЦАТЬ

Дэвид решил, что Джил умер.

Всякий раз, поглядывая в зеркало, он видел, что его дядя

лежит на заднем сиденье совершенно неподвижно. Ни малейшего движения, даже глазом не моргнет. Вытянулся во весь рост и лежит себе, а Марла сидит рядом с ним и держит на руках Мэтью. И еще разворачивается вполоборота и, прижимаясь спиной к дверце, непрерывно говорит с отцом:

– Держись, папочка. Ты только держись. Я люблю тебя. Мэтью тебя любит. Ты должен быть сильным. Не уходи от нас. Ты нужен нам всем, очень-очень нужен.

Марла беспокоила Дэвида не меньше, чем Джил. Уж очень она настрадалась за последний месяц. Да, с нее полностью сняты все обвинения в убийстве. Она вдруг узнала, что младенец ее жив, но мать она потеряла.

Возможно, самым тяжким для нее испытанием было узнать, что именно мать заставляла ее поверить, что ребенок умер. Поначалу Марла не желала этого осознавать. Ведь предательство – это самое страшное, с чем может столкнуться человек, перенести его сложно. Но шли недели, и осознание реальности постепенно к ней возвращалось. В основном, как чувствовал Дэвид, она была обязана этим Джилу, отцу, который с завидным терпением и деликатностью подводил Марлу к правде.

И конечно же, он был очень нужен Марле. Как она будет жить, как справляться, если потеряет теперь отца? Он опасался, что тогда она испытает сильнейшее душевное потрясение. И это будет просто ужасно, особенно для малыша Мэтью. Кто будет заботиться о нем, если его мать призна-

ют недееспособной? И сколько может продлиться очередное помутнение рассудка?

Дэвид был уверен, что знает ответ на этот вопрос. Его родители займутся Мэтью и будут заботиться о нем, пока живы.

Доехав до больницы, он подогнал «мазду» как можно ближе к дверям приемного отделения, лавировал при этом между несколькими машинами «скорой», как рыбка лавирует в воде, плывя против течения. Он велел Марле оставаться в машине с отцом, а сам побежал искать врача, или медсестру, или, на худой конец, хоть санитаря, который мог бы взглянуть на дядю.

На входе он увидел женщину со стетоскопом, свисающим с груди, и в маске, закрывающей рот и нос, она направлялась в переполненное людьми помещение приемной.

– Мой дядя! – воскликнул он и преградил женщине дорогу, встав прямо перед ней. Дэвид понимал – надо действовать нахрапом, иначе никакой помощи Джилу не дожждаться.

– Что с ним? – спросила женщина.

– Он в машине, тут, неподалеку от входа. Даже не знаю, жив он еще или нет.

Ему показалось, что на полсекунды женщина так и обмякла всем телом. Покосилась на дверь, затем – на пациентов, ожидающих в приемной. По этому жесту Дэвид понял: она не понимает, кем должна заняться в первую очередь или в каком в порядке, что, впрочем, в подобной ситуации не име-

ло особого значения.

– Идемте, я его посмотрю, – сказала она.

Дэвид повел ее к выходу и по дороге поинтересовался:

– А как ваше имя?

– Я доктор Морхаус. А вашего дяди?

– Джил Пикенс.

Онахватила его за рукав.

– Джил? Муж Агнесс?

Дэвид кивнул. Увидев их, Марла распахнула заднюю дверцу машины, склонилась над отцом и продолжала говорить ему что-то, прижимая к себе Мэтью.

– Марла, – позвал Дэвид, жестом попросил ее отодвинуться.

Доктор заглянула на заднее сиденье.

– Что он ел сегодня утром? Или пил? – осведомилась она.

– Вроде бы только кофе, – отозвалась Марла.

– Симптомы?

– Ну, голова у него закружилась, а потом началась рвота, – ответила она. – Ну а после он вырубился. Сможете ему помочь?

Доктор кивнула, скорее самой себе, а не собеседникам – примерно ту же самую историю она уже слышала сегодня множество раз. Она приподняла руку, давая понять, чтобы никаких вопросов ей больше не задавали, и поднесла стетоскоп к груди Джила.

Слушала несколько секунд. Дэвид приготовился к худше-

му.

– Он жив, – сказала доктор. Выбралась из машины, выпрямилась во весь рост и громко подозвала к себе двух врачей «скорой», которым выпала передышка на несколько секунд.

– Тут живой!

Парамедики бросились в машине, один прихватил носилки на колесиках. Они вытащили Джилу из машины, стали укладывать на носилки, Дэвид и Марла наблюдали за их действиями затаив дыхание.

– О господи, – еле слышно пробормотала Марла. – О, боже ты мой, боже мой! Ты поправишься, папочка! Они тебе помогут, все будет хорошо!

Она хотела было вбежать следом за ними в здание, но доктор Морхаус обернулась и сказала строго:

– Ждать здесь. – И Джилу быстро покатали в приемное отделение по пандусу, и без того забитому больными на носилках.

Дэвид подошел к ней.

– Ну, перестань, Марла. Что ты? Давай подождем снаружи.

Они направились к машине, и тут кто-то крикнул:

– Дэвид!

Это была его мать, Арлин. Она бежала к ним навстречу по дорожке вдоль ряда машин. Дэвид даже вскинул руку, предупредил, чтобы не торопилась. Только этого сейчас не хватало – чтобы она упала и сломала руку. Он бросился навстречу

матери.

– Попросила отца высадить меня на улице, – запыхавшись, произнесла она. – Тут кругом машин полно, все забито, он не смог подъехать поближе. Итан тоже с ним.

– Вот и славно.

– Ну, как там Джил?

Дэвид вкратце рассказал ей. И нарочно шел рядом медленно, чтоб дать матери отдышаться. Но вот Арлин подошла в Марле, обняла племянницу, поцеловала Мэтью в щечку.

– Это ваша машина? – спросил парамедик.

Дэвид обернулся и признался, что «Мазда» его.

– Отгони ее отсюда к чертовой матери!

– Побудешь здесь с Марлой? – спросил Дэвид Арлин.

– Ну конечно, – ответила она.

– Мне надо отъехать.

Арлин кивнула:

– Давай.

Дэвид сел за руль и осторожно выехал на улицу. Отъезжая от больницы на достаточное расстояние, он притормозил, достал телефон и попытался дозвониться Саманте Уортингтон.

Она не отвечала.

От волнения Дэвид ощутил физическую слабость и удушье. Он опасался худшего – что, если Сэм и ее сын Карл уже мертвы?

И вот он помчался по улицам Промис-Фоллз, направля-

ясь к месту, где проживала Сэм, – к узкому таунхаусу, затиснутому в ряду точно таких же домов. «Мазда» резко затормозила перед входом в дом. Дэвид быстро выскочил из машины, даже не удосужившись захлопнуть за собой дверцу.

Влетел по ступенькам крыльца. Позвонил в звонок, одновременно забарабанил в дверь кулаком.

Потом прижался губами к щели у дверного косяка.

– Сэм! – закричал он. – Сэм! Это я, Дэвид!

Но к двери так никто и не подошел. И по другую от нее сторону он не слышал ни шороха, ни малейшего движения.

Стоять здесь, орать и стучать дальше не было смысла. И вызывать полицию, чтобы взломали дверь и посмотрели, что происходит в доме, тоже. Копы и без того просто с ног сбились. Он должен сделать это сам. По крайней мере, можно не беспокоиться о том, что, если он ворвется, в лицо ему будет направлено дуло ружья, как было в тот раз, когда он впервые постучал в эту дверь.

Дэвид повернул дверную ручку, поднажал. Открыть не удалось. Дверь была заперта.

– Черт...

Тогда надо выломать ее. Он отошел на два шага назад, развернулся и резко ударил в дверь плечом.

– Вот сволочь... – пробормотал он. Плечо саднило от боли, видно, вывихнул какую-то кость. И несмотря не все эти усилия, дверь по-прежнему не поддавалась.

Он повел плечом – хотел убедиться, что особых повре-

ждений нет и болит оно просто от ушиба. Затем взгляд его упал на ближайшее к двери окно, оно находилось достаточно низко, и через него можно было бы пробраться в дом, если б только удалось его открыть. Он перешагнул через кусты и остановился прямо под окном, попытался приподнять створку, но ничего не вышло.

Тогда Дэвид снял пиджак, обернул им руку до локтя и ударил по стеклу. Оно треснуло. Он расчистил осколки, просунул пальцы в образовавшееся отверстие, нащупал задвижку, отвел ее вверх и поднял створку.

Сигнализация не сработала. У Сэм ее просто не было. Поэтому и держали в доме ружье.

Дэвид стряхнул осколки стекла, затем вскарабкался на подоконник и спрыгнул вниз.

И увидел, что оказался в гостиной.

– Сэм! – крикнул он.

Первым делом он прошел на кухню. Ни одной вынудой из буфета тарелки, посуды в раковине тоже нет. И кофейника нигде не видно.

На втором этаже находились две спальни.

Перепрыгивая сразу через две ступеньки, Дэвид оказался наверху, сначала зашел в спальню Карла. Там никого не было, постель застелена.

Та же самая картина наблюдалась и в спальне Сэм. На первый взгляд все в порядке, подушки на своих местах.

Что ж, тот факт, что он не застал Сэм и Карла в доме мерт-

выми, уже можно считать хорошей новостью. С другой стороны, плохая новость состояла в том, что Сэм и Карла в доме не было.

Куда же, черт возьми, они подевались?

Только тут он вспомнил, что вроде бы не видел машины Сэм возле дома. Подошел к окну в спальне, которое выходило на улицу.

Да, действительно, машины Сэм не видно.

Тут он вспомнил, что во время одного из визитов заметил, что из-под кровати Сэм торчит уголок чемодана. Он опустился на колени, приподнял край покрывала.

Чемодана не было.

Он спустился вниз и подумал – надо бы проверить еще одну вещь. Сэм всегда держала ее в шкафчике под лестницей, у входной двери.

Он открыл шкафчик, сдвинул в сторону висевшие на вешалках пальто.

Здесь Сэм обычно держала ружье, но теперь его тоже не было.

Закрывая дверцу шкафа, он вдруг ощутил легкое головокружение. Развернулся и привалился спиной к дверце. Перед глазами промелькнули события этого утра, они сокрушили его. И Дэвид закрыл руками лицо и заплакал.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

– Давайте, ребята. Давайте, вперед! Двигайтесь поживее! Шевелитесь, кому говорят!

Финли стоял на погрузочной платформе перед распахнутыми дверьми своего завода по производству родниковой бутилированной воды и действовал наподобие дорожного полицейского, регулирующего движение. Из глубины помещения один за другим выезжали к дверям автопогрузчики с упаковками воды, затем продукцию помещали в фургоны. У каждого из трех входов стояли подкатившие задом фургоны, остальные, выстроившись цепочкой, ждали своей очереди на погрузку.

Вскоре после первого телефонного разговора с Дэвидом он связался со своим бригадиром и приказал срочно вызвать на работу всех сотрудников компании, всего их было двадцать два человека. Тем, кто уехал из города на уик-энд, звонили на мобильные телефоны и приказывали бросить все и как можно быстрее прибыть на работу.

Четверым сотрудникам не удалось дозвониться ни на мобильные, ни на домашние телефоны.

– Может, тоже заболели и сейчас в больнице, – сказал бригадир.

И Финли пришлось согласиться, что это вполне возможно. Но и без этих четверых ему удалось запустить производ-

ство на полную мощность и вывести на дорогу все имеющиеся в наличии фургоны.

Тревор Дакворт одним из первых откликнулся на призыв, и Финли тепло приветствовал его.

– Рад тебя видеть, – сказал он, похлопывая молодого человека по плечу. – Просто помогаю твоему отцу взять эту ситуацию под контроль.

– Угу, – пробормотал Тревор.

– Предоставил ему кое-какую информацию по водоочистительной станции, теперь, возможно, прояснится, что там пошло не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.